

На правах рукописи



ООРЖАК БАЙЛАК ЧАШ-ООЛОВНА

**СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с тюркскими языками Сибири)**

10. 02. 20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Новосибирск 2018

Работа выполнена в научно-образовательном центре «Тюркология»
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Научный консультант: Широбокова Наталья Николаевна
доктор филологических наук

Официальные оппоненты:

Филиппов Гаврил Гаврильевич,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова»

Данилова Надежда Ивановна,
доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник ФГБУН «Институт гуманитарных исследова-
ний и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН»

Саляхова Зугура Идрисовна,
доктор филологических наук, зав. кафедрой башкир-
ской филологии Стерлитамакского филиала ФГБОУ
ВО «Башкирский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова»

Защита состоится 25 января 2019 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел. (383) 330 84 69, факс (383) 330-15-18. e-mail: dissovets_d_003.040.01@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
Полный текст диссертации доступен по адресу <http://www.philology.nsc.ru>
Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук



Н. Р. Ойноктинова

ВВЕДЕНИЕ

Система языка представляет собой результат ментальной деятельности его носителей, осознания и принятия этносом объектов, отношений, взаимосвязей, существующих в реальности как важное и очевидное, актуальное и практичное, с последующим их закреплением в этой системе специальными языковыми средствами. При этом ни один язык не отражает все, что существует в объективной реальности, и поэтому каждый язык является системой представлений фрагмента этой реальности. В этот фрагмент реальности вкладываются знания и опыт народа, оцениваемые как действительные – переживаемое и пережитое, а также реальное будущее или признающееся таковым на основе знаний о закономерностях развития, накопленных историческим опытом носителей.

В грамматических значениях реальность преломляется и представляется особой системой, отражающей самые существенные признаки реальности с точки зрения коллектива носителей языка. В соответствии с реализацией этой системы осуществляется ориентация в действительности носителей языка, и является возможной сама коммуникация.

Диссертация посвящена описанию системы грамматически представленной модальности в тувинском языке. Главной идеей, выраженной в диссертационном исследовании, является видение в системе грамматической модальности тувинского языка отражения объективной действительности в языке, выражаемой посредством элементарных семантических единиц, проявляющихся в грамматических формах, а также рассмотрение направления развития данной системы как реализации «креативных возможностей» внутренних ресурсов языка для выражения актуальных смыслов, проецирующихся из внеязыковой действительности.

Объектом нашего исследования является грамматически представленная семантическая оппозиция «реальность — потенциальность/ирреальность», составляющая основу системы грамматической модальности тувинского языка.

Предметом исследования являются грамматические показатели модальности, квалифицируемые в системе тувинского глагола как наклонения, являющиеся центральными в грамматической модальной системе, а также другие формы и конструкции, в разной мере передающие модальные значения, составляющие ближнюю и дальнюю периферии области модальности.

Целью диссертационного исследования ставится описание и анализ внутренней структуры системы грамматической модальности в тувинском языке, выявление принципов и особенностей ее устройства и функционирования, анализ тенденций ее развития в сопоставлении с данными сибирских тюркских языков.

Для достижения заявленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определение критериев отнесения языковых явлений к грамматическим средствам выражения модальности;
- 2) выявление грамматических средств передачи модальных значений в тувинском языке;
- 3) анализ формальной и семантической структуры исследуемых форм, определение доминирующего значения;
- 4) выделение синтагматических характеристик исследуемых форм;
- 5) выявление прагматических и функциональных особенностей употребления показателей грамматической модальности;
- 6) систематизация показателей грамматической модальности;
- 7) определение внутреннего принципа организации системы грамматической модальности в тувинском языке в целом, с точки зрения закрепления определенных актуальных для носителей языков когнитивных смыслов в отражении объективной действительности;
- 8) выявление особенностей семантического развития грамматической модальности тувинского языка по сравнению с данными сибирских тюркских языков (тофского, хакасского, шорского, алтайского, якутского). Определение общих формантов, общность и различие их значений, а также их места в глагольной системе;
- 9) определение тенденций развития грамматической модальной системы в современном тувинском языке.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Грамматическая модальность в тувинском языке на первом уровне представлена оппозицией модальных семантических областей *реальности — потенциальности/ирреальности*. Модальная область реальности связана с представлением внеязыковой действительности как фактов разной степени достоверности. Модальная область потенциальности репрезентирует: а) «возможную реальность», которая может стать реальностью при наличии определенных (реальных) условий и обстоятельств; б) априори неосуществимую возможность. Последнее означает, что в системе грамматической модальности ирреальность включается в область потенциальности как отсутствие возможности.

2. Каждая модальная семантическая область представлена семантическими зонами и полями. Полевая структура области модальности предполагает иерархическую организацию составляющих. В модальном поле выделяется центральное(ые) (главное(ые)) средство(а) передачи модального значения — грамматический показатель, обладающий, по сравнению с периферийными, более общим значением, как правило, это — форма наклонения; на периферии функционируют формы (часто аналитические) и конструкции с большей специфичностью значения.

3. Грамматическая модальность в тувинском языке носит субъективный характер. Фигура говорящего, присутствующая в каждом высказывании, неизбежно субъективирует объективную действительность в результате естественного восприятия реальности через призму его сознания, его отношения к сообщаемой информации. С этой точки зрения, самой объективной из субъективных модальностей является область реальности. А внутри семантической области реальности главное место занимает модальность достоверности как языковая репрезентация объективированной реальности.

4. Область реальности представлена следующими тремя модальными зонами, распределенными в ней по степени убывания признака объективированности — субъективированности: а) нейтральной достоверностью — простой передачей фактов незвиденциальными (собственно видо-временными) формами на =ган, =бышаан, $T_v=n$ AUX(бытия)=ар, =ар — «самой объективной» модальной областью. Другие две зоны отличаются от первой сильной степенью субъективированности значений. Это области: б) мотивированной (обоснованной) достоверности, с центральными формами с семантикой прямой эвиденциальности (наблюдаемости), на периферии — аналитическими формами, выражающими обладание знаниями (компетенциями); в) пересказанной реальности, представленной рядом форм, образованных с участием частицы -тыр. Особым типом значения реальности является внезапно (неожиданно) обнаруженная реальность — выражение адмиративности при помощи специализированных показателей.

5. Грамматическая модальность в тувинском языке выступает как эвиденциализированная система, в которой эвиденциальные значения играют важнейшую роль в структурировании плана реальности: эвиденциальные показатели выступают базовыми в зоне мотивированной достоверности, определяют и обосновывают действия как факты

реальной действительности, непосредственно воспринятые или воспринимаемые говорящим.

6. В зоне мотивированной реальности главным маркером достоверности выступает *наблюдаемость*, обнаруживаемая в семантической структуре показателей прямой эвиденциальности; вторичным маркером достоверности является *компетентность* говорящего (обладание знаниями) о тех или иных явлениях действительности. Эти факторы обуславливают характер достоверности как категорической (наблюдаемая достоверность и достоверность точных знаний).

7. Некатегорическая достоверность в зоне мотивированной достоверности выражается при чувственном восприятии фактов (кроме визуального) — слуховом, эндофорическом и интуитивном, а также при восстановлении реальности фактов на основе восприятия следов (или результатов) предшествовавшего действия.

8. Способ получения зрительной информации в тувинском языке грамматически маркируется по степени удаленности наблюдаемых действий от говорящего, поэтому в семантическом блоке визуального восприятия выделяется оппозиция: действия, наблюдаемые с близкого расстояния — действия, наблюдаемые с далекого расстояния. Первые (=ды, =чык, $Tv=n$ AUX(тур=, олур=, чор=, чыдыр)= \emptyset , =галак) выражают категорическую достоверность, вторые (=а-дыр) — некатегорическую достоверность. Неполная (средняя) степень достоверности выражается при употреблении формы на =а-дыр для передачи слухового, эндофорического и «интуитивного» восприятия, а также специализированно инферентивными и презумптивными формами, образованными с участием частицы -тыр. Область реальности через семантику презумптивности очень близко подходит к семантической области потенциальности.

9. Зона нейтральной достоверности, представленная собственно видо-временными формами, является очень устойчивой структурой, имеющей меньшую тенденцию к расширению. Менее подвержено расширению также поле визуального восприятия действия с близкого расстояния, представленное в зоне мотивированной достоверности.

10. Поле показателей достоверности, основывающееся на обладании говорящим компетенцией говорящего о достоверности действия, в современном языке расширяется за счет вхождения в нее новых причастных аналитических форм. Напротив, оказываются все более невостребованными в грамматическом выражении значения, связанные с репрезентацией перцептивных ощущений, поэтому их показатели постепенно выходят из употребления. С этой утратой система мотивированной

достоверности расширяется за счет активизации грамматического выражения косвенной эвиденциальности, вызванной появлением новых форм, образованных на базе собственно видо-временных форм, осложненных постпозитивной частицей *-тыр* (=ган-дыр, =бышаан-дыр, *Tv=n AUX*(*тур*=, *олур*=, *чор*=, *чыд*=)=*ар-дыр*, =*ар-дыр*), которые покрывают поле косвенной засвидетельствованности и адмиратива, вытесняя со своих позиций более раннюю форму на =*n-тыр*.

11. Модальная область потенциальности/ирреальности включает следующие модальные зоны: необусловленной возможности, обусловленной возможности, необходимости; собственно желания; императива и модальности намерения. Центральными формами в этой области выступают формы наклонений. Периферию составляют многочисленные, преимущественно причастные, АФ и АК разной степени грамматикализации.

12. В модальной области потенциальности/ирреальности нами выделены следующие наклонения: предположительное наклонение (=гы *дег*), выражающее субъективное предположение говорящего о возможном действии субъекта на основе его внутренних качеств; наклонение необходимости (=гай), которое репрезентирует значение «внутренней» необходимости субъекта с точки зрения говорящего; желательнопобудительное наклонение (оптатив) (=са), выражающее желание говорящего с оттенком побуждения; деизидератив (=кса) со значением желания субъекта; императив, имеющий полную парадигму и контактирующий с модальностью намерения; условное наклонение, выражающее обусловленную потенциальную возможность; сослагательное наклонение, передающее семантику ирреальной возможности.

13. В системе грамматической модальности активной является форма на =ган, уходящая своими корнями в древние кыпчакские языки. Ее основная функция – выражение значения нейтральной достоверности, она является в данной семантической зоне центральной. Данная форма является также активной и в системе южносибирских языков. На ее базе получила развитие форма на =ган-дыр, выражающая в современном тувинском языке серию значений косвенной эвиденциальности как дальнейшее развитие одного из его значений — перфекта.

14. Формы, восходящие к уйгурским (=чык, =гу *дег*), в современном тувинском языке и южносибирских тюркских языках выражают специализированные модальные значения и функционируют на периферии глагольной системы. Древняя форма на =мыш, имевшая широкое употребление в орхонских памятниках, в современном тувинском языке со-

хранилась лишь в составе формы на =*бышаан*, но активно функционирует в темпорально-модальной системе якутского языка.

15. Процессы развития системы грамматической модальности в тюркских языках Сибири отображают общую тенденцию развития глагольных систем в направлении синтезации модальных показателей. Языковые данные свидетельствуют о том, что процессы грамматикализации в алтайском, хакасском и шорском языках происходят более динамично, по сравнению с тувинским, тофским и якутским.

Методы исследования были обусловлены целью и задачами диссертационной работы. Были применены следующие методы: метод лингвистического описания, метод лингвистического наблюдения и обобщения, аналитический, сравнительный и сопоставительный методы.

Эмпирическим **материалом** исследования послужили примеры из художественной литературы; произведений устного народного творчества; текстов, принадлежащих научному, официально-деловому, общественно-политическому стилям и публицистике на тувинском языке; записи примеров из современной речи носителей тувинского языка, а также примеры, сконструированные самим автором.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проанализирована структурно-семантическая организация грамматической модальности в тувинском языке с точки зрения приоритетности выражения онтологических представлений и когнитивных смыслов в грамматической системе языка. Полевой подход к описываемым языковым явлениям позволил дифференцировать центральные и периферийные грамматические средства выражения модальных значений, что дало возможность представить структуру модальных полей. Определены динамика и тенденции развития модальных значений. Выделены взаимосвязи модальных полей, их контактные зоны, как между собой, так и с другими глагольными категориями в тувинском языке. Полученные результаты были сопоставлены с данными из других сибирских тюркских языков: хакасского, шорского, алтайского, тофского и якутского.

Важным **новшеством** работы является привлечение эмпирического материала из текстов разных типов и стилей на тувинском языке, а по времени их создания – современных и ранних. Это примеры из создаваемого в настоящее время Электронного корпуса текстов тувинского языка (ЭКТТЯ, <http://www.tuvancorpus.ru>), имеющего разножанровый характер, куда включены художественная литература; тексты, принадлежащие общественно-политическому стилю и публицистике; материалы официально-деловой документации, научной литературы на тувинском

языке; произведения устного народного творчества; тексты на латинице, относящиеся к 30–40 гг. XX в.; а также тексты, отражающие современную речь носителей языка. Все это позволило охватить большое количество эмпирического материала, что обеспечило высокую достоверность и доказуемость выдвигаемых положений исследования.

Грамматическая передача модальности в тувинском языке не ограничивается показателями наклонений — центрами модальных зон, на периферии существует огромный пласт грамматических аналитических форм (АФ) и аналитических конструкций (АК), которые служат не только источником передачи грамматической модальности, но и являются таким же источником выражения аспектуальных значений. Модальные АК, модальные особые АФ, образованные с участием частиц в их отношении к формам наклонений, образуют в целом систему репрезентации грамматической модальности в тувинском языке. Эта система еще не была объектом специального исследования в тувинском языкознании.

В «Грамматике тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах 1961], в грамматическом справочнике к «Тувинско-русскому словарю» [Сат 1955] вопрос о модальных значениях в тувинском языке затрагивался в связи с описанием наклонений, а также частиц. В монографии Л. А. Шаминой, Ч. С. Ондар, посвященной причастным аналитическим конструкциям (ПАК) в тувинском языке, есть параграфы, в которых анализируются модальные ПАК [2003]. Кроме того, в некоторых статьях исследователей тувинского языка затронуты отдельные семантические зоны грамматической модальности [Монгуш 1989, 1995, 1998; Шамина 1995в, 1996в, 2005б; Ондар 1996; Байыр-оол 2007, 2009а]. Поэтому системное описание грамматически выраженной модальности с выявлением внутренних семантических отношений и внешних межкатегориальных связей является необходимым для осознания структуры всей глагольной системы тувинского языка и важным для дальнейших исследований в области тувинского и других тюркских языков, а также для работ учебно-методического и прикладного характера. В этом состоит **актуальность** настоящего исследования.

Теоретической и методологической **базой** исследования стали труды, посвященные вопросам модальности в русском и общем языкознании: В. В. Виноградова [1950], А. В. Бондарко [1984, 1990, 2000, 2008], Г. В. Колшанского [1961, 1990], В. Б. Храковского [2007, 2012], В. Б. Храковского, А. П. Володина [1986], В. Б. Касевича [1988, 1998, 2006], В. Б. Касевича, В. Б. Храковского [1985], Н. А. Козинцевой [1994], И. А. Мельчука [1998], Е. В. Падучевой [1985, 2016], В. А. Плунгяна [2000, 2011] и др.; а также труды исследователей в области грамматиче-

ской системы в тюркских языках и истории ее развития: В. М. Насилова [1963], Н. А. Баскакова [1968, 1971, 1975а, 1979, 1981, 1988], Э. Р. Тенишева [1982], А. Н. Кононова [1956, 1960, 1980а], А. М. Щербака [1981, 1994], Б. А. Серебренникова [1979, 1986, 1988], Н. З. Гаджиевой [1968, 1973, 1980, 1986], Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой [1979], Ф. Р. Зейналова [1970], Е. И. Убратовой [1960, 1961, 1980, 1985а, 1985б, 2011], Д. М. Насилова [1963, 1983, 2005], В. И. Рассадина [1978], СИГТЯ [1988, 2002, 2006], В. Г. Кондратьева [1980, 1985], М. И. Черемисиной [2004], И. В. Кормушина [1984, 1988, 1991, 2006, 2008], Н. Н. Широковой [1999, 2002, 2005] и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты нашего исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении вопросов грамматического устройства тюркских языков, составлении «Грамматики» тувинского языка, а также в практике преподавания тувинского языка в школе и вузе. Работа представляет интерес для исследователей тюркских и алтайских языков, специалистов по лингвистической типологии.

Апробация и публикация. Работа выполнена в научно-образовательном центре «Тюркология» Тувинского государственного университета. Основные результаты исследования излагались автором на *международных конференциях*: Международный симпозиум «Создание нового поколения учебников по языкам коренных народов Сибири [Новосибирск, 2004]; 6. Deutsche Turkologenkonferenz [Германия, Франкфурт-на-Майне, 2005]; «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центральноазиатского региона» [Кызыл, 2010], «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор» [Кызыл, 2012]; «Тюркская руника: язык, история и культура» [Кызыл, 2013]; «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности проф. В. И. Рассадина [Элиста, 2014]; «Языки и литературы тюркских народов» [Санкт-Петербург, 2015]; «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура» [Москва, 2016]. Кроме этого, результаты проведенного исследования были апробированы на *всероссийских, региональных конференциях*: «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» [Новосибирск, 2009-2013, 2015, 2016, 2017], «Урал-Алтай: через века в будущее» [Горно-Алтайск, 2003]; «Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия» [Якутск, 2017], «Сатовские чтения» [Кызыл, 2008-2015], «Аранчыновские чтения» [2009, 2011], ежегодных научно-практических конференциях

Тувинского госуниверситета [2008–2016].

По теме диссертации опубликовано 36 работ объемом 24 п.л., в т.ч. 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК (из них 5 статей в изданиях, входящих в Международные базы данных Scopus и WoS); составлены 3 базы данных и 1 программа ЭВМ, приравненные к публикациям ВАК, 1 монография. В виде научных статей и тезисов в сборниках и журналах опубликовано 39 работ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы. Диссертация содержит 43 таблицы, 5 схем. Основной текст изложен на 459 страницах.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна проведенного исследования, излагаются его цель и задачи, перечисляются примененные методы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Модальность как лингвистическая категория. В главе определяется теоретическая база исследования, истолковываются основные понятия, используемые в нем. Раскрывается понимание модальности в общем, русском и тюркском языкознании, анализируется соотношение понятий модальности и эвиденциальности, обосновываются теоретические позиции, принятые в настоящем исследовании, по отношению к категориям модальности и эвиденциальности применительно к тувинскому языку.

Автором выдвигается положение о наличии грамматически представленной в тувинском языке базовой двойной модальной оппозиции *реальность — потенциальность/ирреальность*, организующей область грамматической модальности в тувинском языке. Главным определяющим признаком в данной системе выступает значение эпистемической модальности *достоверности*, которое обуславливает собственно выражение значения реальности и потенциальности. Это значение проявляется в семантической области реальности как основной структурирующий признак, в соответствии с которым выделяются типы достоверной реальности: *нейтральная достоверность, мотивированная достоверность, пересказанная реальность*.

Нейтральная достоверность связана с передачей фактов действительности, и ее главным признаком является фактологичность и полная достоверность.

В области реальности центральной выступает зона мотивированной достоверности, детерминирующим признаком которой является позиция говорящего — важнейшего участника коммуникации — как прямого свидетеля событий и действий в реальности. Иначе этот тип достоверности можно назвать засвидетельствованной достоверностью. Маркером мотивированной достоверности выступает чувственное восприятие говорящим событий и действий реальности (близкое визуальное), а также компетенция говорящего, основанная также на прямом свидетельстве. Признаком этой области достоверности является степень высокой достоверности.

К зоне мотивированной достоверности относятся инферентивные, презумптивные и миративные значения. Говорящий выступает здесь также прямым ментальным источником событий и действий реальности. Характерно, что на этом участке область реальности наиболее близко подходит к области потенциальности.

Пересказанная реальность оценивается не с позиции достоверности/недостоверности, а она представляется миром других субъектов, не участвующих в акте коммуникации. Фигура говорящего присутствует в данном случае лишь как своего рода передатчик чужой реальности, при этом он не берет ответственности на себя за достоверность/недостоверность сообщаемой информации.

Фигура говорящего неизбежно субъективирует представленную в языке реальность, пропуская ее через свое восприятие. Поэтому эвиденциальные смыслы представляются основополагающими компонентами в выражении грамматической модальности в тувинском языке. И в целом, грамматически выраженная модальность реальности в тувинском языке выступает как эвиденциализированная система, а сама модальность — как субъективированное значение.

Широкое развитие в тувинской системе модальности грамматических показателей возможности, необходимости, желательности позволяет нам выделить отдельную семантическую область потенциальности, а в ней — зону ирреальности. Значительно меньшая выраженность показателей грамматической ирреальности в количественном отношении и их частая кореферентность средствам выражения потенциальности привели к признанию области ирреальности как внутренней зоны потенциальности. Материал тувинского языка показывает, что грамматические показатели ирреальности занимают в модальной системе небольшое место: они значительно уступают в количественном отношении формам потенциальности. В плане выражения семантики модальные зоны имеют показатели, коррелирующие с другими показателями этих полей по

признаку потенциальности/ирреальности, по одному показателю ирреальности — показатели ирреального желания и ирреальной возможности. Последние представляют собой репрезентантов условно-сослагательного наклонения, отражающих наиболее развитый и устойчивый в семантическом и формальном отношении ряд форм. Таким образом, в грамматической модальной системе тувинского языка сложилось бинарное членение на две большие семантические области реальности — потенциальности/ ирреальности, последняя из которых представляется как особая семантическая область потенциальности с элементами ирреальности.

Область потенциальности/ирреальности представлена двумя большими зонами: зоной эпистемической модальности и зоной желания. Если в семантической области реальности эпистемическая модальность представлена преимущественно семантикой высокой степени достоверности, то в области потенциальности эпистемическая модальность (возможность, необходимость) выражается средней и низкой степенями вероятности. Отдельным семантическим блоком в области потенциальности представлена модальная зона желания, включающая подсистемы с семантикой собственного желания, побуждения и намерения. Таким образом, система грамматической модальности имеет следующую структуру:

I. Область реальности:

Зона достоверности:

- нейтральная достоверность (достоверность прошедшего, достоверность настоящего, достоверность будущего);
- мотивированная достоверность (категорическая достоверность, основанная на прямой визуальной эвиденциальности; категорическая достоверность, основанная на знаниях; некатегорическая достоверность, основанная на умозаклключениях и перцептивных ощущениях);
- пересказанная реальность.

II. Область потенциальности/ирреальности:

1) Зона возможности:

- безусловная возможность (внутренняя, внешняя);
- обусловленная возможность (реализуемая, ирреальная);

2) Зона необходимости:

- внутренняя необходимость;
- внешняя необходимость (категорическая, некатегорическая, вынужденная, нереализованная, отрицательная);

3) Зона желательности:

- оптатив;
- реализуемое желание;
- ирреальное желание;
- деизидератив;
- императив;
- намерение.

Семантическое устройство системы грамматической модальности в тувинском языке можно представить на Схеме 1, которая интерпретируется следующим образом: грамматическая модальная система состоит из двух областей: реальности — потенциальности/ирреальности. Центральной зоной в реальности выступает зона мотивированной достоверности, а в ней — поле категорической достоверности. Отдельными зонами здесь являются зоны нейтральной достоверности и пересказанной реальности. Поле некатегорической достоверности образует контактную зону с областью потенциальности. В последнюю ирреальность входит на правах подсистемы.

Глава 2. Семантическая область реальности. В главе описываются средства выражения модальной области реальности в тувинском языке в сопоставлении с тюркскими языками Сибири.

Семантику реальности в тувинском языке формируют грамматические средства, выражающие модальное значение достоверности, традиционно относящиеся к индикативу, а также не входящие в индикатив, АФ разной степени синтезации, не имеющие в системе тувинского глагола своего грамматического статуса. В Таблице 1 представлены семантическая структура модальной области реальности с зонами нейтральной достоверности, мотивированной достоверности, пересказанной реальности, а также средства их выражения.

Схема 1. Семантическое устройство системы грамматической модальности в тувинском языке.

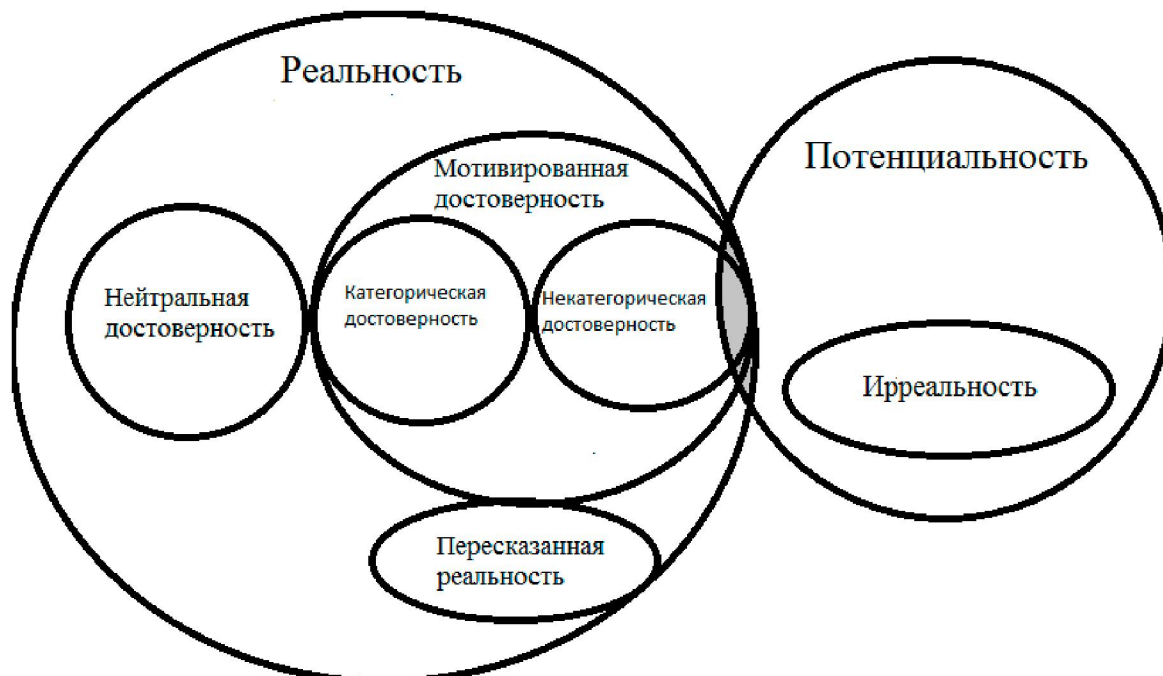


Таблица 1. Типы реальности и средства их выражения в тувинском языке

| Индикативные формы | Неиндикативные формы |
|--|--|
| I. Зона нейтральной достоверности | |
| <u>Видо-временные формы:</u> 1) =ган, 2) =бышаан, 3) $T_v=n$ AUX(бытия)=ар, 4) =ар | <u>Причастная АФ:</u> $T_v=ar/=ган$ болур/боор |
| II. Зона мотивированной достоверности | |
| <i>1. Категорическая достоверность</i> | |
| 1) Формы, семантика которых осложнена значением прямой эвиденциальности (визуальности): | |
| <u>Временные формы:</u> 1) =ды, 2) =чык, 3) $T_v=n$ AUX(бытия)=Ø, 4) =галак | <u>Деепричастные и причастные АФ:</u> 1) $T_v=n$ чүйүк/чүк, 2) $T_v=n$ чораан/чорду/чоржук, 3) $T_v=ган/=ар/=ды$ ышкажыл |
| 2) Формы с семантикой обладания компетенцией | |
| _____ | <u>Причастные АФ:</u> 1) $T_v=ган/=ар$ боор~болур чүве, 2) $T_v=ган/=ар/=бышаан$ болгай, 3) $T_v=ган/=ар$ болбайн, болбайн аан, болбайн канчаар, 4) $T_v=ган/=ар$ болбас ийик бе, 5) $T_v=ган/=ар$ болдур ийин, 6) $T_v=ган/=ар$ болдур эвесне, 7) $T_v=ган/=ар$ ийик (ийик чоп), 8) $T_v=ган/=ар$ ийикпе /ийик бе, 9) $T_v=ган/=ар/=ды/=n$ -тыр эвес бе /эвесне, 10) $T_v=ган/=ар/=бышаан$ эвес ийик бе, 11) $T_v=ган/=ар$ ышкажык /ышкажыгай, $T_v=ар/=ган/=ды$ ышкажыл, $T_v=ган$ чүйүк/чүк, 12) $T_v=ган/=ар/=бышаан$ кижилуус/чүве |
| <i>2. Некатегорическая достоверность</i> | |
| <u>Перцептив:</u> =а-дыр | <u>Инферентив и презумптив:</u> 1) =ган-дыр, 2) $T_v=n$ AUX(бытия)=ар-дыр, 3) =бышаан-дыр |
| <i>3. Адмиратив</i> | |

| | |
|---|--|
| = <i>n-тыр</i> | 1) = <i>ган-дыр</i> , 2) $T_v=n$ <i>болган/болду/болчук</i> |
| III. Зона пересказанной реальности | |
| = <i>n-тыр</i> | T_v = <i>ган/=ар/=бышаан джжжж</i> , = <i>ган-дыр</i> , = <i>ар-дыр</i> , = <i>бышаан-дыр</i> |

Индикативные формы (в левой колонке таблицы) — это устойчивые в грамматической системе глагола, исторически восходящие к древним кыргызским, уйгурским и, в меньшей степени, орхонским формы, имеющие свои параллели в тюркских языках Сибири. Индикативные формы составляют ось области реальности и являются центральными в соответствующих модальных зонах. Неиндикативные формы, в большинстве своем аналитические, относятся к инновационным явлениям в системе глагола тувинского языка, расширяющим данные модальные зоны. Они были сформированы на почве самого тувинского языка по общим тюркским моделям с использованием общетюркских грамматических ресурсов. Формирование новых грамматических показателей модальной области реальности происходило по схеме восходящей грамматикализации АК: «АК T_v =*прич. всп. глагол*» > «Модальная АФ T_v =*прич. частица*» > «Модальная синтетическая форма». Следует особо отметить меньшую вовлеченность в систему грамматической модальности тувинского языка деепричастных АК.

Семантическая структура области реальности в тувинском языке имеет следующие черты. Зона нейтральной достоверности представлена собственно видо-временными формами (за исключением одной АФ T_v =*ар/=ган болур/боор*), выражающими значение фактологичности, нейтральной передачи наличия тех или иных фактов в действительности: =*ган*, =*бышаан*, $T_v=n$ АУХ(*бытия*)=*ар*, =*ар*.

(1) *Алды дугаар кичээл доозулган, уруглар тарай берген* ‘Шестой урок закончился, дети разошлись’. (2) *Байырлал үргүлчүлевишаан. Тиллелге хүнүнге улуг-хүн улажы берген* (СС, НО, 80) ‘Праздник все еще продолжается. Ко дню Победы присоединилось воскресенье’. (3) *Болат беш дугаар школада өөренип турар* ‘Болат учится в пятой школе’. (4) *Машинага олурувут, сени кожуунга чедирип каайн, оон ыңай сени чорудуптар* (ОС, КС, 39) ‘Садись в машину, довезу-ка тебя до района, дальше тебя отправят’. (5) *Чадырдан арай улуг ындыг бажыңчыгаашты казанак деп адаар боор* ‘Такой домик, который

несколько больше шалаша, обычно называют казанак (избушка) (С. Тока) (пример взят из: [Монгуш 1989; он же 2009: 146]).

В структуре области реальности они занимают ближнюю периферию по отношению к центру (см. Схему 1 на стр. 14). Эта зона имеет меньшую тенденцию к расширению, т.е. это очень устойчивая структура, предположительно, составлявшая ранее основу и центр области реальности. В современной системе области грамматической реальности ее центр сместился в зону мотивированной достоверности.

Зона мотивированной достоверности состоит из поля категорической достоверности и поля некатегорической достоверности. Поле категорической достоверности самое обширное из этих полей, оно составляет центр всей модальной области реальности в тувинском языке. В нем объединены две группы форм, обладающих значением подчеркнутой достоверности: первая группа форм с прямым эвиденциальным значением — наблюдением с близкого расстояния или непосредственного участия в действии говорящего — представлена четырьмя индикативными формами, восходящими к общетюркским (=ды) и древнеуйгурским (=чык), а также региональным (сибирско-киргизским или кыпчакским — $Tv=p$ $AUX(бытия)=\emptyset$, =галак) формам:

(6) *Буян, көрөм, бир кушкаш ыяжывыста хонупту* (ЕБМ, 49) ‘Буян, смотри, какая-то птичка села на наше дерево’. (7) *Ак-Төштүң чаа ээзи менээ ажынган-дарынган маңнап келчик* (Сүр1, 232) ‘Новый хозяин (собаки) Ак-Тош прибежал ко мне сердитый’. (8) *Ийи дугаарында кара аът куштадып олур* (ЕБМ, 74) ‘(Вон) вторым летит черный конь (я его вижу)’. (9) *Бляш бурүзү дүшкен, бораңгай, куруз кус. Хар чаггалак. Сьнда хар көстүр* (САС, ХЫ, 177) ‘Опали листья деревьев, серая, пустынная осень. Снег вот-вот пойдет. На хребте виден снег’.

Эту подсистему дополняют новые АФ, возникшие на базе АК деепричастного и причастного типов, в составе которых присутствует частица (10) или вспомогательный глагол оформлен теми же синтетическими (индикативными) формами прямой эвиденциальности путем их наращенния (11, 12):

(10) *Чеди бурганы баишкылар өрээлинде турган чүк* ‘Семь его фигурок бурханов стоят в комнате учителей’ (пример взят из [Монгуш 2009: 148]). (11) *Солунда чаа ийи чарлап каан чорду* (САС, АТ, 43) ‘Я видел: в газете было объявлено о новом спектакле’. (12) *Аржааннап чораан улузууус чедип келген чоржук* ‘Я видел, что наши, ездившие на аржаан (минеральный источник), вернулись’.

Зона мотивированной эвиденциальности получает в современном языке расширение за счет новых АФ с семантикой обладания компетенцией, которые служат основанием для категорического утверждения о наличии тех или иных действий или явлений в действительности. Данные АФ возникли на базе причастий =ган и =ар в сочетании с модальными частицами и служебными словами.

(13) *А дүне, ыржымда, тода дыңналып кээр боор чүве* (СП, ШЧ, 38) ‘А ночью в тишине, бывает (шум воды) ясно слышится’. (14) *Силерниц Тываны ам Тыва автономнуг область дээр апарган болдур ийин* (ЛЧ, ЧЧ, 200) ‘Вашу Туву сейчас стали ведь называть Тувинской автономной областью’. (16) *Ачам хурал-суглаага баарда идиктерин мынчаар аштап алып кижси* (МЭ, ӨЧ, 21) ‘Мой отец, когда идет на собрания, чистит обувь таким образом’.

Поле категорической достоверности, представленное группами форм прямой визуальной эвиденциальности с близкого расстояния, а также с семантикой обладания компетенцией, составляет центр всей модальной системы тувинского языка.

Поле некатегорической достоверности в зоне мотивированной модальности представлено индикативной формой на =а-дыр, связанной с выражением перцептивных ощущений говорящего (наблюдаемости с далекого расстояния и другими внутренними ощущениями): (17) *Дунмамның ишилт алганы ак аьды оларның аразында агараңнай-дыр* (ЕБМ, 74) ‘Белый конь, которого выбрал мой брат, мелькает/мелькал среди них’.

Форма на =а-дыр восходит к некогда АФ $T_v = a \text{ тур} =$, давшей в других южносибирских тюркских языках стяженные формы настоящего времени на =ады, =ат, и выполняющей функцию основной формы в поле настоящего. В современном тувинском языке форма на =а-дыр постепенно выходит из употребления. С утратой перцептивных составляющих зона некатегорической достоверности расширяется за счет новых форм, возникающих на базе собственно видо-временных форм, вновь активно вступающих в модальную систему грамматической реальности в новом качестве. Они, осложненные постпозитивной частицей -тыр, входят не только в поле некатегорической достоверности, но и в силу своей полисемантической выступают показателями адмиратива и покрывают зону пересказанной реальности, вытесняя с позиций показателя адмиратива и репортатива более раннюю форму на =п-тыр, обнаруживаемую в системе индикатива южносибирских тюркских и киргизского языков.

Глава 3. Потенциальность и ирреальность: необусловленная возможность. В главе анализируются средства выражения модальности необусловленной возможности в тувинском языке. Центральными в этом поле являются форма на *=гы дег* (в подполе внутренней возможности) и АФ на *T_v=n болур* (в подполе внешней-внутренней возможности). На периферии находятся АФ и АК: физической возможности *T_v=n шыда=*, интеллектуальной возможности *T_v=n билир*, предельной возможности *T_v=n/й алып/аар*.

(18) *Хеймерек – боду узун болгаши сөөгү улуг, чаңгыс шоодай тарааны кажыктаткы дег* (СС, ЧЧ1: 24) ‘Хеймерек – сильный, сам высокий, и кости его большие, может один мешок зерна подбросить и поймать’.

(19) *Эки кылган мургу, ооң үттөрүн шын таарыштырып алырга, лимбиден дудак чок боор чуве. Аңаа дыка чараш аялгаларны ойнап болур* (ЕТ, АДТ, 50) ‘Хорошо сделанная дудка, если ее дырочки правильно сделать, она бывает не хуже лимби. На ней можно играть очень красивые мелодии’.

(20) *Ол буга бистиң шуптувусту хандырып шыдаар* (ОС, ЧЧ, 186) ‘Тот водный канал может нас всех обеспечить (водой)’.

(21) *Ынчаарга кашка чедир санап билир сен, Шораан?* (ЧК, А, 9) ‘Так, до сколько ты можешь/умеешь считать, Шораан?’.

(22) *Билдинмес кылдыр бижип каан-дыр. Шын номчуп аар мен бе...*

‘Непонятно тут написано. Смогу ли я павильно прочитывать...’.

В Таблице 2 приводится сопоставление семантики средств передачи различных типов возможности, представляющих внутреннюю структуру семантического поля необусловленной возможности и его контактные участки с другими семантическими зонами.

Таблица 2. Структура грамматического поля необусловленной возможности положительной полярности

| Структура грамматического поля необусловленной возможности | Грамматические показатели | | | | |
|--|------------------------------|------------------------------|------------------------------|-----------------------------|-----------------------------------|
| | <i>T_v=n болур</i> | <i>T_v=n шыда=</i> | <i>T_v=n билир</i> | <i>T_v=гы дег</i> | <i>T_v=n/й алып/аар</i> |
| Характер субъекта | Ч, Ж, Я, С | Ч, (Ж/в, П) | Ч (Ж/в) | Ч, Ж, С/о | Ч |
| Семантические типы возможности и реализуемые значения | | | | | |
| «Внешняя» возможность | | | | | |
| 1) <i>недеонтическая</i> возможность | | | | | |
| а) значение реальной | ++ | - | - | - | - |

| | | | | | |
|---|----|----|---|----|---|
| потенциально существующей возможности | | | | | |
| б) значение допущения и предположения возможного действия | ++ | - | - | - | - |
| в) значение объективно существующей возможности нежелательного воздействия на субъекта со стороны внешних сил | + | - | - | - | - |
| 2) <i>деонтическая</i> возможность | + | - | - | - | - |
| «Внутренняя» возможность | | | | | |
| 1) значение «внутренней» возможности субъекта | | | | | |
| а) потенциальная возможность субъекта как его внутренняя неприобретенная характеристика | | | | | |
| - физическая | + | ++ | - | + | + |
| - интеллектуальная | + | + | - | + | - |
| - психологическая | + | + | - | ++ | + |
| - эмоциональная | - | + | - | - | + |
| - способность | + | + | - | ++ | - |
| - черта характера | + | + | - | ++ | - |
| б) значение внутренней готовности и уверенности субъекта совершить действие | | | | | |
| - физическая | + | - | - | - | - |
| - психологическая | + | - | - | - | - |
| в) «внутренняя» приобретенная возможность | | | | | |
| - действий прикладной направленности | - | + | + | - | - |
| - интеллектуальных действий | - | + | + | - | - |
| - созидательных действий | - | + | - | - | - |
| - социальной деятельности | + | + | + | - | - |
| - физического воздействия | + | + | + | - | + |
| Семантические зоны, | - | - | - | Ж, | - |

| | | | | | |
|-----------------------------------|--|--|--|---|--|
| контактные с зоной возможности | | | | Н | |
|-----------------------------------|--|--|--|---|--|

Обозначения, принятые в таблице: + наличие значения; ++ данное значение – главное; - отсутствие значения; МЖ – модальность желания, МН – модальность необходимости; субъекты: Ч - человек; Ж - животное; Ж/в - «высшее животное»; С - стихия; С/о - олицетворенная стихия; Я – явление; (Ж/в, П) – в скобках дается актуализация семантики в переносном значении.

Из приведенной таблицы видно, что АФ $T_v=n$ болур имеет самый широкий охват выражаемых типов значений возможности и выражает возможность разных субъектов действия. Эта форма также является единственным в данной зоне полным репрезентантом объективной «внешней» возможности, которая является, по сути, ее главным значением. Другие же значения субъективной «внутренней» возможности являются для нее вторичными. Субъект, характеризуемый при помощи формы $T_v=n$ болур, может быть как лицом, так и не лицом (стихией, каким-либо явлением, но не животным).

Значение потенциальной «внутренней» неприобретенной возможности субъекта маркируется сразу несколькими грамматическими средствами: АК $T_v=n$ шыда=, формой $T_v=гы$ дег и несколько реже формой $T_v=n/й$ алып/аар. Все они маркируют в первую очередь внутреннюю физическую возможность субъекта. Для АК $T_v=n$ шыда= это главное значение, что обусловлено бóльшим сохранением во вспомогательном глаголе АК лексического значения исходной основы шыда= ‘мочь’. Другие значения этой формы являются вторичными и охватывают значения как неприобретенной, так и приобретенной возможности. Поэтому по сравнению с другими периферийными средствами эта форма покрывает бóльшую зону возможности.

Форма предположения на $T_v=гы$ дег ориентирована на оценку говорящим возможности субъекта (человека, животного, какого-либо явления, природной олицетворенной стихии) на основе знаний говорящего о характере, способностях, психологических особенностях субъекта: (23) Олар салгын уунче оожум чайганырга, кижиле кырынче барып душку дег (ЧХ, 162) ‘Когда они (лиственницы) на ветру тихо качаются, кажется, что могут упасть на человека (лиственницы, качаясь, кажутся способными упасть)’.

Окказионально форма на $T_v=гы$ дег может передавать и значение нереализуемого желания и упрека, что основано на деонтической необходимости с точки зрения говорящего. Так ее семантика входит в

контактную зону с другими модальными значениями, желания, с одной стороны, с другой – необходимости и неодобрения.

Особенностью АФ на $T_v=n/=i$ *алыр/аар* является то, что она преимущественно употребляется в отрицательной форме, в положительной же имеет довольно ограниченное употребление как в семантической сочетаемости, так и по частотности (данные разрабатываемого в настоящее время ЭКТТЯ это подтверждают). Поэтому исследователи тувинского языка часто указывали на то, что данная форма употребляется только в отрицательном значении [Монгуш 1995; Шамина 1995; Ондар 1998]. Тем не менее форма на $T_v=n/=i$ *алыр/аар* передает значение проблематичной возможности – возможности с оттенком сомнения или возможности на пределе физической, психологической и эмоциональной возможности человека.

Форма на $T_v=n$ *билбр* выступает в зоне возможности как особое специализированное средство передачи внутренней приобретенной возможности: умения и навыков действий прикладной, интеллектуальной, социальной направленности.

В тувинском языке имеется специальное средство инклюзивного выражения отрицательной возможности — АК $T_v=n$ *чада=* с семантикой невозможности совершения действия после нескольких неудачных попыток по его осуществлению. АК $T_v=n$ *чада=* и $T_v=n$ *шыдава=* передают, за несколькими исключениями, весь спектр значений «внутренней» отрицательной возможности. АК $T_v=n$ *шыдава=* может выражать также отсутствие «внешней» возможности. См. Таблицу 3, в которой сопоставляется семантика форм отрицательной возможности.

Таблица 3. Значения отрицательной полярности, проявляющиеся в семантической зоне возможности

| Значения возможности отрицательной полярности | Средства передачи значений отрицательной полярности | | | | | |
|--|---|------------------------|-----------------------|-----------------------|------------------------|----------------------|
| | $=n$ <i>болбас</i> | $=n$ <i>шыдава=</i> | $=n$ <i>билбес</i> | $=багы$ <i>дег</i> | $=n/i$ <i>албас</i> | $=n$ <i>чада=</i> |
| Невозможность «внешняя» | | | | | | |
| «Деонтический» запрет | + | - | - | - | - | - |
| «Недеонтический» запрет | + | - | - | - | - | - |

| | | | | | | |
|--|---|---|---|---|----|---|
| Категорическая рекомендация, предупреждение не совершать действие | + | - | - | - | - | - |
| Недеонтическое отсутствие возможности невозможность | - | + | - | - | - | - |
| Невозможность «внутренняя» | | | | | | |
| 1) «внутренняя» – отсутствие возможности <i>неприобременного</i> характера | | | | | | |
| - физическая; | - | + | - | + | ++ | + |
| - интеллект.; | - | + | - | - | - | + |
| - психологич.; | - | + | - | + | + | + |
| - способность, талант; | - | + | - | + | + | + |
| - эмоциональная | - | + | - | - | + | + |
| - черты характера | - | + | + | + | + | - |
| 2) «внутренняя» – отсутствие возможности <i>приобременного</i> характера | | | | | | |
| - отсутствие умений, определенных навыков прикладной направленности | - | + | + | - | - | + |
| - отсутствие навыков умственных действий | - | + | + | - | - | + |
| - отсутствие умений созидательной направленности | - | + | - | - | - | + |
| - отсутствие навыков действия социальной направленности | - | + | + | - | - | + |

| | | | | | | |
|--|---|---|---|---|---|----|
| Семантические зоны, контактные с зоной возможности | И | - | - | - | - | АМ |
|--|---|---|---|---|---|----|

Обозначения, принятые в таблице: + наличие значения; ++ данное значение – главное; - отсутствие значения; И – императив, АМ – аспектуальность (мультипликатив).

Таблица показывает, что с выражением отсутствия «внутренней» возможности связаны формы $T_v=багы\ дег$ и $T_v=n/й\ албас$, различающиеся только в одном: первая может выражать невозможность выражения эмоциональных действий, тогда как вторая не имеет такого значения. Негативная форма $T_v=n/й\ албас$ в языке и речи используется чаще, чем положительная форма $T_v=n/й\ алыр/аар$ и передает значение невозможности в смысле неприемлемости¹ тех или иных действий в силу их субъективной трудной переносимости: физической, эмоционально-психологической и т.п.

АФ $T_v=n\ билбес$ выражает значение отсутствия «внутренней» приобретенной возможности. Это для нее является главным значением. Вместе с этой формой данное значение как вторичное могут передавать полисемантические АК $T_v=n\ шыдава=$ и $T_v=n\ чада=$.

Негативная форма $T_v=n\ болбас$, единственная из всех показателей отрицательной возможности, выражает «внешний» запрет – собственно деонтический и недеонтический (самозапрет), а также рекомендацию не совершать действие, обозначенное основой глагола.

Таким образом, в тувинском языке одним из важных значений потенциальности наряду с желанием и необходимостью является семантика возможности. В зоне положительной возможности наиболее часто маркируется «внутренняя» неприобетенная возможность, основанная на физических и психологических характеристиках субъекта-лица. В меньшей степени – «внутренняя» приобретенная возможность. Реже всего выражается объективная «внешняя» возможность лица, репрезентируемая только одной полисемантической формой возможности $T_v=n\ болур$, для которой данная семантика является основной. Эта же форма составляет центр зоны возможности, всеми своими значениями она максимально

¹ В этом проявляется семантическая связанность вспомогательного глагола с полнозначным глаголом *ал=* в отрицательной форме (*албас* ‘не брать, не принимать’).

покрывает данную зону. Остальные формы составляют периферию и покрывают зону фрагментарно.

В зоне возможности в выражении положительной и отрицательной возможности (невозможности) не обнаруживается последовательная смысловая симметричность, какая есть, например, во временных формах [Монгуш 1963; Ооржак 2014]. Т. е. набор положительных и отрицательных значений одного показателя в положительной и отрицательной формах количественно и в смысловом отношении здесь не совпадают. Наблюдается частичное совпадение только у АК $T_v=n$ шыда= и АК $T_v=n$ шыдава= (см. Таблицу 3).

Причина такой смысловой диспропорции состоит, видимо, в самой объективной особенности модального значения возможности. То, что является возможным, не всегда может быть обратным — невозможным. Возможное действие в сознании говорящего мыслится потенциально реализуемым, и в норме им ожидается положительный исход — осуществление действия. На самом деле ожидания говорящего могут не оправдаться, отсюда отрицательный исход (невозможность) действия как не-норма получает обязательное маркирование. Например, выражение значения «внутренней» неприобретенной возможности, когда детерминирующим фактором является черта характера субъекта в положительном значении возможности, АК $T_v=n$ шыда= не маркирует, отрицательное — маркируется негативной формой АК $T_v=n$ шыдава= (см. Таблиц 2, 3).

Таким образом, значение отсутствия «внутренней» неприобретенной возможности также является важным и потому в большей степени маркированным значением. Сравнительно в меньшей степени маркируется внутренняя приобретенная возможность. В данной зоне конкурирующими выступают две АК: $T_v=n$ шыдава= и $T_v=n$ чада=. Модальность отсутствия возможности в последней АК осложнена дополнительным значением мультипликатива — невозможность осуществления действия является результатом нескольких неудачных попыток осуществления действия. Это говорит о пересечении модальности с аспектуальностью. В этой зоне значение запрета выражает АФ $T_v=n$ болбас, образуя на периферии контактную зону с императивом.

Тувинские показатели безусловленной возможности в большинстве своем имеют свои аналоги в сибирских тюркских языках. Причем они близки не только в структурном плане, но и в семантическом, выражая схожие значения. Большинство показателей безусловленной возможности в данных языках имеет аналитический

характер. Более синтезировавшимся (и относительно ранним) показателем поля необусловленной возможности является форма на =гы дег (=гадаг, =гадаг, =гадый), которая восходит, как уже выше говорилось, к древнеуйгурской форме причастия на =gi, которая в южносибирских тюркских языках функционирует в «связанном» сочетании с послелогом teg (дег, дай, дый), тогда как в якутском она выступает в виде =ыах [Дыренкова 1941; Убрятова 1985/2011: 62–64; Филиппов 1996; Широбокова 2005: 211]. Эта форма в тувинском, хакасском и алтайском языках является показателем предположительного наклонения [Карпов 1975: 198; Алмадакова 2017: 352]; в тофском — модальной формой, выражающей не столько возможность, сколько необходимость [Рассадин 1978: 165]; также ее определяют показателем «модальности кажимости» в хакасском языке [Кызласова 2010: 135].

Что касается аналитических показателей необусловленной возможности в тувинском языке, то они все возникли на базе деепричастной АК $T_v=n/=a$ *всп. гл.* и восходят к общетюркским модальным формам $T_v=n$ бол=, $T_v=n$ бил=, $T_v=n(=a)$ ал=, которые активно функционируют в модальной зоне возможности южносибирских тюркских языков.

АК $T_v=n$ шыда= обнаруживается в сибирских тюркских языках в вариантах $T_v=n$ шыда= ‘мочь, уметь’ (тоф.), $T_v=n$ чыда= ‘мочь, быть в состоянии’ (алт.), $T_v=арга$ сыда= ‘быть в состоянии что-л. сделать’ (хак.), $T_v=a$ сатаа= ‘стараться, пытаться, прилагать усилия’ (як.) [Рассадин 1978: 167–168; Озонова 2006: 66; Кызласова 2010: 85; ЯРС 1972: 318]. Э. В. Тенишев пишет, что форма возможности совершения действия с глаголом *зида* ‘мочь, быть в состоянии’ имеется также в языке желтых уйгуров и является одной из его специфических черт [Тенишев 1976: 107]. В. И. Рассадин отмечает, что этот глагол имеется еще в западных тюркских языках, но он в них употребляется в значении ‘терпеть, выдерживать, переносить, выносить’, а в значении ‘мочь, уметь’ он употребляется только в тюркских языках Саяно-Алтая, а также в якутском [Рассадин 1978: 168].

АК инклюзивной невозможности $T_v=n$ чада= состоит из деепричастия на =n и вспомогательного глагола чада=, восходящего к полнозначному глаголу чада= ‘не мочь, не быть в состоянии, не удаваться’ [ТРС 1968: 507]. В. И. Рассадин пишет, что глагол чада= в тофском и тувинском языках, а также ж. уйг. *jata*= ‘не мочь’, кирг. *жада*= ‘оказаться неспособным, немощным’, каз. *жадау*= ‘изнуренный, истощенный’, уйг. *яди*= ‘худеть, истощаться, изнурять-

ся, утомляться’, туркм. *яда*= ‘уствовать, утомляться’, як. *дыаада*= ‘обессилеть’ можно сопоставить с монгольской глагольной основой *яда*= ‘не мочь, не быть в состоянии; жить в нужде, бедности’, который также образует АФ невозможности совершить действие в этих языках [Рассадин 1978: 166–167]. На этой основе В. И. Рассадина считает, что тувинско-тофская модальная АК невозможности *Tv=n чада*= появилась в этих языках в результате монгольского влияния [Рассадин 1978: 167].

Глава 4. Потенциальность и ирреальность: обусловленная возможность. Здесь описываются средства выражения обусловленной модальности, реализующейся на уровне условных конструкций (УК) — условное наклонение и условно-сослагательное наклонение, репрезентирующие значения *реальной* и *нереальной* обусловленной возможности в тувинском языке.

Показателями условного наклонения в тувинском языке являются: синтетическая форма на =*са*, вторичная форма на =*ар болза*. Первая в тувинском языке участвует только в формировании условных отношений (24), вторая может выражать условное (25) и условно-причинное (26) значения: (24) *Кижиге барбазымза, Хову-Аксында кара ажылчын акымның бир уруундан азырап аар мен* (КЛ, ЧӨ, 143) ‘Если я не выйду замуж, то возьму на воспитание одну из дочерей старшего брата, простого рабочего из Хову-Аксы’. (25) *Бо черге турумчуп, элээн чурттай бээр болзуңза, бодуң билип каар сен...* (МЭ, ӨЧ, 62) ‘Если ты на этом месте обоснуешься и достаточно здесь поживешь, сам узнаешь...’. (26) *Сен чорувас болзуңза, мен база чорувас мен харын!* (КВШ, ЧЧ, с. 112) ‘Раз ты не поедешь, я тоже не поеду!’.

Центром поля *реальных* УК являются синтаксические сочетания формы на =*са* в зависимой части с финитными формами с семантической ориентацией в будущее в главной части. Периферию занимают УК на базе вторичных условных форм (=ар болза). Центр поля *нереальных* УК составляет конструкция с временной локализацией условия и следствия в прошлом на базе АФ =ган болза в зависимой части и АФ =ар ийик в главной части: (27) *...бир эвес ыт ээрбээн азы шуут ол өйде аңаа турбаан суг болза, ол бажыңче чунү-даа бодавайн, чүге-даа торулбайн кире бээр ийик* (АД, ЧК, 23) ‘Если бы собака не залаяла или в тот момент ее бы там совсем не было, то она зашла бы в тот дом, не раздумывая, не останавливаясь’.

Остальные четыре формы условно-сослагательного наклонения (=гай эртик, =ар эртик, =ар турган (ийик), =ар турду), восходящие

также к семантике будущего в прошедшем в главной части, находятся на периферии этого поля. Формальное выражение условно-сослагательного наклонения в тувинском языке как сочетание показателей прошедшего и будущего времени в составе одной глагольной словоформы встречается во многих языках мира (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Структура показателей сослагательного и условно-сослагательного наклонения в тюркских языках²

| Языки | 1-й компонент | 2-й компонент | |
|-------|------------------------|------------------------|--------------------------|
| | Формы будущего времени | Вспомогательный глагол | Формы прошедшего времени |
| Тув. | =гай | эр= | =тык (<=duk) |
| | =ар | эр= | =тык (<=duk) |
| | =ар | и= | =йик (<=juk) |
| | =ар | тур= | =ган (ийик) |
| | =ар | тур= | =ды |
| Тоф. | =ар | и= | =ик (<=juk) |
| | =гай | и= | =ик (<=juk) |
| Шор. | =р | э= | =ды |
| Хак. | =ар | – | =чык (<=juk) |
| Алт. | =гай | э= | =ды |
| | =ар | э= | =ды |
| Кирг. | =гай | э= | =ла |
| Тат. | =ар | и= | =ды |
| Як. | =ар | э= | =та |
| | =ыах/=ыа | э= | =та |
| | =ыах/=ыа | э= | =быт |

Из таблицы видно, во-первых, что тюркские языки, как правило, располагают не одним показателем сослагательного наклонения. Во-вторых, показатели сослагательного наклонения во всех приведенных языках имеют аналогичную структуру: показатель (исторически) будущего времени =гай / =ар/=ыах(=ыа) (<=yi) сочетается с бытийным вспомогательным глаголом в форме прошедшего времени (=juk, =duk, =dy, =yan, =mıŝ/=byt).

² Приводимые данные по тюркским языкам взяты из [ЯМ 1997: 182, 364, 378, 519, 112, 501; Коркина 1970].

Такая многочисленность парадигмы сослагательного наклонения в тюркских языках и сам характер форм говорят о том, что данные показатели в пределах одного языка:

- принадлежат к разным хронологическим пластам в истории развития тюркских языков;
- этнически (и ареально) дифференцированы;
- находятся между собой в конкурентных отношениях.

В парадигмах сослагательного наклонения обнаруживаются формы, генетически восходящие к орхонским формам на *=duk (=dy)* и *=mıç (=byt)*, древнеуйгурской форме на *=juk*, кыпчакской *=yan* (см. об этом в [Убрятова 1985; Широкова 2005]).

Форма сослагательного наклонения в хакасском языке на *=арчык* образована по модели АК, которая функционирует и в других тюркских языках: форма будущего времени на *=ар* + древний вспомогательный глагол *э=/эр=/и=/ур* в форме прошедшего времени на *=чык*. Д. М. Насилов возводил форму на *=чык/=чык* к древнеуйгурской форме прошедшего времени на *=juk* [1966: 96]. В этой форме хакасский язык показывает результат процесса стяжения, который привел к синтезаци *АФ* и выпадению основы вспомогательного глагола *э=/эр=/и=/ур*, что больше характерно для западных тюркских языков. Такого рода синтезаци *АФ* *=ган ийик* с выпадением основы вспомогательного глагола произошла, очевидно, и в тувинском языке. Подтверждением этому служит используемая в речи сложная форма на *=ганчык*, грамматическое место которой в системе тувинского глагола еще не определено.

Глава 5. Потенциальность и ирреальность: необходимость. Семантическая зона грамматической необходимости в тувинском языке представлена множеством модальных *АФ* и *БАК* и единственной синтетической формой на *=гай/=баай*, которую мы определяем как наклонение необходимости: (28) *Орайтан каан-тыр, мен ам чангай мен* (*А*)‘Уже поздно, я должна идти домой’. В отличие от других средств, наклонение необходимости выступает в этой зоне как единственный показатель «внутренней» субъективированной необходимости и долженствования, когда необходимость того или иного действия, называемого основой глагола, преподносится говорящим как внутренняя потребность субъекта, как необходимость действия в пользу и интересах субъекта (см. Таблицу 5). Поэтому необходимое действие говорящим в высказывании адресуется субъекту — потенциальному исполнителю действия, в связи с чем

наклонение необходимости выражает семантику волюнтаривности, в этом состоит его общий признак с императивом.

Таблица 5. Средства выражения модальности необходимости в тувинском языке

| Средства выражения | Семантика | Дополнительные значения, уточнения значений (если есть) |
|----------------------------------|---|---|
| <i>=гай/=баай</i> | «Внутрен-няя» «субъективированная» необходимость | 1 SG: полная убежденность говорящего в необходимости совершения/несовершения действия с оттенком готовности. Обязательность действия – сильная. |
| | | 1 PL: попытка убеждения в необходимости совместного совершения /несовершения действия |
| | | 2 SG/PL: напоминание о том, что адресат(ы) имеет(ют) обязательство, право совершить /не совершить действие. |
| | | 3 SG/PL: утверждение в необходимости совершения/несовершения конкретного действия, основанное на том, что референт(ы) имеют обязанность совершить действие, названное глаголом. |
| АФ <i>Tv=ap/=бас херек</i> | Общая «внешняя» необходимость: категорическое требование осуществления/неосуществления необходимого действия, сильная степень обязательности. | |
| АФ <i>Tv=ган херээ чок</i> | Требование необходимости невыполнения действия/отсутствие необходимости. | |
| АФ <i>Tv=ap/=бас ужурулуг</i> | «Внешняя обоснованная» категорическая необходимость | 1 SG/PL: приемлемость предписываемых обязательств, готовность к исполнению (отсутствие долженствования). |
| | | 2 SG/PL: напоминание о долге, обязанностях и попытка убеждения в отсутствии необходимости выполнения. |

| | | |
|-----------------------------------|--|---|
| | | 3 SG/PL: констатация наличия/отсутствия обязанности выполнения действия. |
| АФ с частицей <i>хоржок</i> | «Усиленное» долженствовани е: | Формы позитивной полярности <i>Tv=арга хоржок, Tv=ар болза хоржок</i> выражают категорическую неприемлемость действия, обозначенного глагольной основой. |
| | | Формы негативной полярности <i>Tv=баска хоржок, Tv=бас болза хоржок, Tv=бааже хоржок</i> выражают категорическую необходимость. |
| АФ с частицей <i>болур бе</i> | Предупреждение о необходимости действия | Формы позитивной полярности на <i>Tv=арга болур бе, Tv=ар болза болур бе</i> : предупреждение о том, что действие, обозначенное глагольной основой неприемлемо. |
| | | Формы негативной полярности на <i>Tv=баска болур бе, Tv=бас болза болур бе, Tv=бааже болур бе</i> : предупреждение о неотлагательности необходимого действия. |
| АФ <i>Tv=са/=база чогуур</i> | Некатегорическое утверждение (пожелание) в необходимости совершения/несовершения действия как оптимальное, верное потенциальное действие в сложившихся условиях; степень обязательности действия – сильная. | |
| АФ <i>Tv=ар/=бас чоор</i> | Назидание, наставление, поучение, совет, передача жизненного опыта обычно старшего по возрасту младшим для обозначения должного/неприемлемого в конкретном случае действия. Степень категоричности высказываний – низкая, обязательность потенциального действия – слабая. | |
| АФ <i>Tv=ар/=бас ышкажыгай</i> | Назидание, совет о целесообразности (оптимальности), с точки зрения говорящего, совершения /несовершения замещающего действия по отношению к действию, уже совершенному и являющемуся, с точки зрения говорящего, неудовлетворительным. | |
| АФ <i>Tv=ар/=бас</i> | | |

| | | |
|---|--|---|
| <i>болгай</i> | | |
| АФ $Tv=гаи$ <i>чоор (чоорул,</i> <i>чоор деп)</i> | Отсутствие необходимости вообще. | |
| АК $Tv=ар$ <i>апар=</i> | Вынужденная необходимость | 1 SG/PL: принятие вынужденной необходимости, готовность выполнить вменяемое ему действие. |
| | | 2, 3/PL: констатация факта вынужденной необходимости действия. |
| АК $Tv=ар/=бас$ <i>бол=</i> | Вынужденное решение о совершении/несовершении необходимого действия. | |
| АК $Tv=гыже$ <i>бол=</i> | Действие, которое должно было давно совершиться, но продолжает «не совершаться» вопреки ожиданию говорящего. | |

Маркированность значения необходимости в зависимости от персональности субъекта обнаруживается также в АФ $Tv=ар/=бас$ *ужурлуг*, АК $Tv=ар$ *апар=*. Другие средства передачи необходимости репрезентируют «собственную» («общую») необходимость при обобщенно-личном маркировании.

Внешняя необходимость в этой семантической зоне проявляется в разных типах:

- по признаку категоричности/некатегоричности показатели необходимости дифференцируются по степени категоричности: высокая, нейтральная и низкая. Большинство граммем необходимости демонстрируют высокую степень категоричности: категорическое требование осуществления/неосуществления необходимого действия ($Tv=ар/=бас$ *херек*); категорическое утверждение о необходимости действия ($Tv=ар/=бас$ *ужурлуг*); «усиленное» долженствование (группа АФ с частицей *хоржок*); предупреждение о необходимости (группа АФ с частицей *болур бе*). Нейтральная степень категоричности означает констатацию факта долженствования, и она выражается АФ $Tv=са/=база$ *чозуур* (некатегорическое утверждение, пожелание совершения/несовершения необходимого действия вследствие его принятия говорящим как оптимального, верного в сложившихся условиях) и $Tv=ар/=бас$ *чоор* (назидание, наставление, поучение). Выражаемый формами $Tv=ар/=бас$ *ышкажыгай* $Tv=ар/=бас$ *болгай* совет говорящего о целесообразности и оптимальности совершения

замещающего действия вместо уже совершенного действия субъектом, неудовлетворительного, с его точки зрения, имеет степень низкой категоричности;

- по признаку обязательности/необязательности каузируемые действия дифференцируются по степени силы/слабости. Установлено, что признак сильной обязательности не всегда коррелируется с признаком высокой категоричности, хотя в семантической зоне необходимости они часто бывают взаимообусловлены. Например, форма некатегорического утверждения, употребляемая в официальной (вежливой) речи на $Tv=ca/=база чогуур$, имеет сильную степень обязательности, совет в АФ $Tv=ap/=бас чоор$ соответствует ее слабой степени обязательности. Степень обязательности не маркирована в АФ на $Tv=ap/=бас ужурлуг$ и ряде АФ с частицами *хоржсок*, *болур*.

- по признаку отношения субъекта к каузируемому действию определяют: готовность субъекта к совершению каузируемого действия, которая проявляется исключительно в 1-м лице ед. и мн. числа в формах на $=гай/=баай$, $Tv=ap/=бас ужурлуг$, $Tv=ap апар$ =. В последнем случае субъект-говорящий выражает готовность выполнения вменяемого ему вынужденного действия. Семантика вынужденного действия, кроме $Tv=ap апар$ -, выражается АК вынужденного решения на $Tv=ap/=бас бол$ =.

Негативная полярность необходимости проявляется не всегда симметрично в семантике граммем данной зоны. Некоторые показатели необходимости проявляют свое значение только в позитивной полярности. Подобная семантическая диспропорция наблюдалась и в зоне возможности (см. выше). Симметричное выражение значения позитивной и негативной полярности проявляется в оппозициях значений: «необходимости совершения/не-совершения действия», «осуществления/не-осуществления необходимого действия», «наличия/отсутствия необходимости», «приемлемости/неприемлемости должного действия», проявляющихся в большинстве граммем. Особо следует сказать о формах с частицами *хоржсок*, *болду бе*. Имплицитно содержащаяся в частицах негативная семантика (*хоржсок*) и семантика сомнения (*болду бе*) накладывают на семантику форм позитивной полярности значение негатива, отсюда они выражают значение категорической неприемлемости действия (с частицей *хоржсок*) и предупреждение о неприемлемости действия (с частицей *болур бе*), обозначенного глагольной основой. Формы негативной полярности, наоборот, приобретают позитивное значение:

категорическую необходимость и предупреждение о неотлагательности необходимого действия.

Только позитивную необходимость выражает одна граммема вынужденной необходимости $Tv=ap\ aпар=$. АФ, образованная на базе $Tv=gai\ чоор\ (чоорул,\ чоор\ ден)$, является в этой зоне единственным специализированным средством передачи значения «отсутствия необходимости вообще». Обнаруживаемая преимущественная симметричность позитивной и негативной полярности во временной системе [Монгуш 1963; Ооржак 2014] и ее непоследовательное выражение в системе модальных зон показывает необходимость отдельного специального исследования их семантического соотношения, описания особенностей их выражения в их проявлении во всей глагольной системе, охватывая и финитные, и инфинитные формы.

Значение нереализованного до МР должного действия, видимо, для тувинского языка становится неактуальным, поэтому АФ $Tv=gai\ же\ болду$, $Tv=gai\ же\ болбаан\ бе$ выходят из употребления, данная семантика больше выражается описательно. Модальная зона необходимости так же, как и зона возможности, расширяется в сторону развития показателей внешней необходимости.

Что касается других сибирских тюркских языков, то форма на $=gai$, в модальной системе этих языков занимает другие позиции: в алтайском, хакасском и тофском она является формой желательного наклонения; в якутском — возможного наклонения на $=aii$; в шорском же выделяется как модальная форма желания.

Известно, что в области непрошедшего времени в древних тюркских языках функционировали две формы: на $=ap$ и $=gai$ [Насилов В. 1963: 75–76; Щербак 1981: 94–95; Erdal 2004: 263, 270 и др.]. Форма на $=ap$ в современных тюркских языках осталась в сфере времени, выступая как форма настоящего-будущего времени или как форма немаркированного будущего времени, в огузских языках – формой некатегорического будущего времени. А в форме на $=gai$ семантика настоящего была утрачена, тогда как значение будущего расширилось и обусловило развитие значений потенциальности, причем в разных направлениях: необходимости, возможности, желательности. В современных тюркских языках эта форма выделяется как показатель наклонения необходимости в тувинском языке, желательного наклонения в тофском, хакасском и алтайском [Рассадин 1978: 224; Карпов 1975: 196; Алмадакова 2017: 341], возможного наклонения в якутском языке [Коркина 1970: 230], а также как форма желания в

шорском языке [Дыренкова 1941: 174]. Она также стала основой для развития императива 1-го лица, приобретя значение намерения.

Значение конкретной необходимости, обязательности и допущения действия, которое является для тувинской формы на *=гай* главным, было характерно, как определяет В. М. Насилов, для языка древних уйгуров [1963: 75–76; 1974: 79–81]. Модальность желания как основное значение этой формы развита в тофском, алтайском и хакасском языках, значение возможности развито в якутском. При этом в сравниваемых языках – тофском, шорском, хакасском и алтайском (кроме якутского) – особое наклонение необходимости/долженствования не выделяется. Данное значение в этих языках передается модальными АФ и АК. Также якутские формы долженствования наклонения имеют аналитическое оформление [Коркина 1970: 208–230].

По аналитическим показателям необходимости в сопоставляемых тюркских языках оказалось возможным выявить только четыре параллели (см. в Таблице 6).

Таблица 6. Соответствия показателей необходимости тувинского языка параллельным им формам, представленным в тюркских языках Южной Сибири

| | | | | |
|------|------------------------------|-----------------------------------|----------------------------|---------------------------|
| Тув. | <i>=ар ужурлуг</i> | <i>=ар/=бас херек</i> | <i>=баска болур бе</i> | <i>=ган херээ чок</i> |
| Тоф. | – | <i>=ар/=бас херек</i> | – | <i>=ган херээ чок</i> |
| Хак. | – | <i>=ар(га)/=бас(ка) кирек</i> | – | – |
| Алт. | <i>=ар учурлу (бол=)</i> | <i>=ар/бас керек (бол=)</i> | <i>=баска болбос</i> | – |
| Як. | <i>=ыхах тустаах</i> | – | – | – |

Выражение значения необходимости АФ, в структуру которых входит предикатив *херек*, свойственно не только сибирским тюркским языкам. АФ $T_v = \gamma i$ *keräk* функционировал и в древнеуйгурских текстах [ДТС 1969: 654]. В алтайском, хакасском, тофском и тувинском языках АФ $T_v = ar(ga) / =bas(ka)$ *херек* выступает как основная форма в модальной зоне необходимости и выражает общее значение необходимости и в отрицательной полярности, соответственно, требование о том, чтобы названное глаголом действие не было осуществлено. В тувинском и тофском языках с предикативом *херек*

образуется еще одна форма отрицательной полярности T_v =ган херээ чок – специальное выражение отсутствия необходимости.

В тувинском и алтайском языках обнаруживаются еще две параллели. Первая параллель касается АФ T_v =баска болур бе и T_v =баска болбос. Тувинская форма АФ T_v =баска болур бе выражает усиленную необходимость – предупреждение о неотлагательности необходимого действия. В алтайском языке форма T_v =баска болбос выражает «усиленное, подчеркнутое утверждение необходимости, неотвратимости совершения действия» [Озонова 2006: 87].

Вторая параллель включает АФ T_v =ар ужурлуг и T_v =ар учурлу (бол=), которые структурно и семантически аналогичны: обе передают внешнюю необходимость, «категоричность, предписание, наставление в обязательном порядке выполнить действие» [Тыбыкова 1989: 84]. А. А. Озонова отмечает, что в конструкциях с модальным предикатом учурлу ярче выражен социальный характер необходимости [Озонова 2006: 77]. Это же определение, данное алтайским конструкциям с учурлу, можно в полной мере отнести и к тувинским формам с предикатом ужурлуг. Структурным вариантом тувинской и алтайской форм T_v =ар ужурлуг / T_v =ар учурлу (бол=) является якутская АФ T_v =ыах тустаах [Убрятова 1972: 593]. Якутский язык сохранил структуру древней формы на =yuluk, употреблявшейся в древнеуйгурском языке со значением необходимости и долженствования в формах на T_v =ардаах, T_v =ыахтаах, представляющих собой сочетание причастий будущего времени на =ар и =ыах и аффиксов обладания на =даах/=таах, аналогичной формам на =лыг/=лы.

Остальной большой пласт показателей различных типов необходимости в этих тюркских языках Сибири, не имеющих между собой прямых соответствий, возникших на их собственной почве, принадлежит грамматическому фонду этих языков.

Глава 6. Потенциальность и прреальность: желание. В этой главе анализируется семантическая зона желания, представленная оппозицией желательно-побудительного наклонения (оптатива) на =са, деизидератива на =кса, АФ T_v =ар болза, T_v =ган болза и T_v =ар=POSS=кай. Прототипическое значение желания передается формой «собственно желания» на =са в 1-м лице ед. числа – контролируемого говорящим-субъектом действия, а потому гипотетически реализуемого сильного желания: (29) *Дурген-не ажылывысты доозун алзывысса!* ‘Побыстрой бы нам закончить нашу работу!’.

В 3-м лице субъекта желание говорящего в эмоциональной окрашенности является еще более сильным («нетерпеливое желание»), т. к. исполнение данного желания является менее контролируемым, хотя и гипотетически реализуемым, поскольку для его исполнения потребуются волевые усилия по воздействию на референта: (30) *Кызыл Шериг дайзыннарны доп-дораан-на чок кылыр болза!* (МЭ, КХ, 51) ‘Красная Армия сразу бы уничтожила врагов’. Данные значения не выходят за пределы семантической зоны желания. При выражении формой на =са некатегорического побуждения (направленного на: 2-ое лицо в значении совета или настойчивой просьбы; 1-ое лицо мн. числа в значении вежливого предложения или призыва к действию; 3-е лицо в значении намека, упрёка) семантически она приближается к императиву – категорическому волеизъявлению говорящего, при котором выражается приказание в «широком смысле»: (32) *Барып-барып дача ортузунда бо теректи чоп тарып алганыңар ол. Ооң орнунга яблоня, грушадан тарып алзыңарза* (ЕТ, ШХ, 245) ‘К тому же за чем посредине дачи вы посадили этот тополь. Вместо него посадили бы яблоню или грушу’.

Оптатив так же, как императив, относится к сфере желательности и волеизъявления, всегда ориентирован на будущее – футурально – и характеризуется как потенциально реализуемое желание.

Особую позицию в семантической зоне желания занимает грамматически передаваемое в тувинском языке значение априори нереализуемого желания. Форма на =ган болза является маркером так называемого значения «желания-мечты», находящего регулярное выражение в тувинском языке. Синонимичным этой форме выступает устойчивое сочетание $PF=POSS=PTCL_{кай}$, передающее значение нереализованного желания и возможности с оттенком сожаления. Данная семантика приближает семантическую зону желания к ирреальности, значению сослагательного наклонения: (33) *Аа, халак, ам оода чадаарда дөртен харлыг болурум кай* (М, ТЭ, 65) ‘О, как жаль, было бы мне сейчас хотя бы сорок лет’.

Дезидератив на =кса передает наличие реального желания субъекта действия, связанное с его выражением во взаимосвязи с временными значениями. Эта форма передает желание как чувство, переживаемое в МР и шире, в настоящее время, а также как пережитое в какой-то момент в прошлом. Здесь имеет место очевидная межкатегориальная связь наклонения и времени.

Таким образом, грамматическая модальная зона желания в тувинском языке реализует основные типы значения желания: гипотетиче-

ски реализуемое собственное желание говорящего, реальное желание субъекта и ирреальное заведомо неисполнимое желание. Эта модальная зона представлена общетюркской формой на =са, тувино-тофской формой на =кса; была расширена за счет наращения той же формы на =са к АК причастного типа, что дало АФ на *Tv=ган болза* и *Tv=ар болза*; также АФ *Tv=ар=POSS=кай*, представляющей своей структурой механизм образования аналитических модальных форм в некоторых других тюркских языках: *Tv=прич.=POSS + местоимение*. По той же схеме образована АФ намерения в тувинском языке *Tv=ар=POSS ол*, имеющая свою параллель в алтайском языке [Тадыкин 1971: 56].

Как показывает материал сибирских тюркских языков, специализированных средств выражения модального значения желания сравнительно немного. Как правило, выделяется форма наклонения желания на =гай, которая присутствует почти во всех рассматриваемых языках. Часто значение желания передается формами других косвенных наклонений как одно из их значений.

Так, В. И. Рассадин отмечает в тофском языке следующие средства выражения модальности желания: форму наклонения желания на =гай, форму модальности желания на =кса, форму сослагательного наклонения =ар ийик как одно из ее значений, особую форму на =сэиг, состоящую предположительно из формы условного наклонения на =са и частицы ийик [Рассадин 1978: 164, 223–224].

В хакасском языке к средствам выражения желания, кроме желательного наклонения на =гай, относят формы императива всех трех лиц в одном из выражаемых ими значений, формы сослагательного (=арчых) и условного (=са) наклонений в их финитном употреблении, а также указывается, что форма инфинитива способна выражать значение сильного желания [Кызласова 2010: 117].

В алтайском языке выделяют желательное наклонение, представленное четырьмя формами: форма на =гай; форма 1-го лица на =(а)йын; форма 3-го лица на =сын³, форма на =са [ГСЯЯ 2017: 341]. Кроме них, А. А. Озоновой выделены АК, выражающие различные типы желания в алтайском языке. Большинство выделяемых ею АК являются сочетаниями инфинитива или причастия на =ар с грамматизованным глаголом *күүнзе*= (от *күүнзе*= ‘желать’) [Озонава 2006: 90–111]. Особый интерес представляет собой АК со значением сильного («острого») желания на *Tv=ган/=баган кижси*, вторым компонен-

³ Форма 1-го лица на =(а)йын и форма 3-го лица на =сын в работе [Дырэнкова 1940] выделялись в парадигме императива.

том здесь выступает грамматикализованное слово *кижи* ‘человек’ [Тадькин 1971: 56; Озонова 2006: 110]. АК *Tv=ган/=баган болзо* в алтайском языке является структурно и семантически типичной для образования конструкций нереального желания для многих тюркских языков, в том числе и тувинского.

В якутском языке особое наклонение желания не выделяется [Коркина 1970] и отмечается, что нет синтетической формы выражения модальности желания [Филиппов 2014: 404]. Г. Г. Филипповым (со ссылкой на [Воронкин 1979:185]) указывается наличие в якутских диалектах АФ *Tv=ыа кел=*, соответствующей конструкции желания с *Tv=зу кел=* в тюркских языках [Филиппов 2014: 404]. В тувинском языке глагол *кел=* в служебной функции выступает в устойчивом сочетании *N=POSS AUX_(кел)* с тем же значением (см. об этом в 6.1.). Г. Г. Филиппов отмечает наличие финитной причастной АФ на *Tv=ар/=ыах баҕалаах* (отр. *Tv=бат/=ымыах баҕалаах*, второй компонент глагол *баҕар=* ‘желать’), которая совмещает выражение значения желания со значением намерения [2014: 405]. Е. И. Коркина приводит финитную «описательную» форму *Tv=ыах/=мыах/=ыа суох* + мод. глаголы *баҕар=* ‘желать’, *санаа=* ‘думать’, *толкуйдаа=* ‘мыслить’, выражающую как значение желания, так и значение намерения [1979: 17]. Рассмотрим названные соответствия основных средств выражения модальности желания в тюркских языках Сибири в Таблице 7.

Таблица 7. Средства выражения модальности желания в тюркских языках Сибири

| Тув. | Тоф. | Хак. | Алт | Як. |
|--------------|----------|--------|------------|----------------------|
| – | =гай | =гай | =гай | – |
| =са | – | =са | =са | – |
| =кса | =кса | – | – | – |
| =ар болза | – | – | – | – |
| =ган болза | – | – | =ган болзо | – |
| =ар=POSS=кай | – | – | – | – |
| – | =ар ийик | =арчых | – | – |
| – | =сэик | – | – | – |
| – | – | – | – | =ар/=ыах баҕалаах |
| – | – | =им | =айын | – |
| – | – | – | =сын | – |

Формы на =са в тувинском, алтайском и хакасском языках выражают значения: желание, связанное с побуждением (тув.), нереальное желание, мечта (тув., хак. [Кызласова 2010], алт. [Семендеева 2001]). Формы на =кса в тувинском и тофском языках передают аналогичное значение – реальное желание субъекта. АФ ТУ=*ган болза*/*=ган болзо* выражают в тувинском и алтайском языках значение нереального желания, мечту. Остальные формы со значением желания не находят в системах модальности сопоставляемых языков своих параллелей и являются собственными их образованиями.

Таким образом, материал по сибирским тюркским языкам показывает: 1) модальное значение желание располагает сравнительно меньшим количеством средств синтетического выражения. Основным средством в данной модальной зоне является наклонение желания (форма на =*гай*); 2) тувинско-тофская форма на =*кса* является особым средством выражения дезидеративности; 3) формы ирреального желания на =*са* и ТУ=*ган болза*/*=ган болзо* показывают актуальность значения для модальной системы желания алтайского, хакасского и тувинского языков; 4) часто значение желания передается формами других косвенных наклонений как одно из их значений; 5) в сибирских тюркских языках значение желания близко связано со значением намерения – активного желания. Об этом и говорит отнесение в последних работах по хакасскому и алтайскому языкам традиционно выделяемую как императивную форму 1 лица ед. числа (алт. =*айын*; хак. =*им*) в сферу желательности формы, выражающую, по сути, значение намерения; 6) сфера модальности желания в алтайском языке расширяется за счет грамматикализации глагола *күүнзе* ‘желать’, который приобретает статус вспомогательного и вступает в сочетания с причастиями. В тувинском языке глагол *кузе* ‘желать’, параллельный алтайскому, не подвержен грамматикализации; 7) образованные на базе глаголов *баҕар* ‘желать’, *санаа* ‘думать’, *толкуйдаа* ‘мыслить’ аналитические показатели якутского языка обслуживают модальные зоны желания и намерения.

Глава 7. Потенциальность и ирреальность: императив. В этой главе говорится о том, что императив в тувинском языке представляет собой систему реализаций семантических компонентов желания и побуждения с учетом особенностей в зависимости от персональности исполнителя (см. Схему 2):

Схема 2. Иерархия проявления семантики императива в убывании

1 2 3 4
 2SG/PL > 1DUAL«я и ты» > 3PL > 1DUAL«я и он»

Данная схема интерпретируется следующим образом: центром поля императива является 2SG/PL (позиция 1); ближнюю периферию составляют формы 1DUAL«я и ты» (позиция 2); немного дальше отстоят формы 3PL (позиция 3); дальнюю периферию занимают формы 1DUAL«я и он» (позиция 4).

Значение императива реализуется в значениях прямого императива во 2-м лице ед. и мн. числа, когда адресат и исполнитель действия совпадают («ты», «вы», «Вы»). Императивные формы 3-го и 1-го чисел являются полисемантическими. В зависимости от лица, количества и характера (по возрастному и социальному статусу) исполнителя побудительная семантика, состоящая из сем желания и побуждения, трансформируется, поэтому каждая из данных форм приобретает специальное значение. В императиве в 3-ем лице, когда адресатом выступает 2-ое лицо, а субъектом действия является 3-е лицо-человек, выражается значение косвенного (опосредованного) императива. Если же субъектом действия является 3-е лицо-не-человек, то выражается модальное значение оптатива. В императиве 1-го лица выражаются значения призыва к совместному совершению действия и намерения: призыв к совместному действию – при 1-м лице двойственного и мн. числа; намерения и готовности к действию – в 1-м лице ед., двойственного и мн. числа. В Таблице 8 обобщается семантика форм императива в тувинском языке.

Таблица 8. Семантика форм императива в тувинском языке

| Парадигма императива | | Адресат(ы) лицо(а) | Субъект(ы) действия | | Значение |
|----------------------|-------------------|--------------------|---------------------|---------|----------------------|
| | | | лицо | не-лицо | |
| 2SG | =∅ | «ты» | | — | прямое побуждение |
| 2PL | = <i>ыңар</i> | | | | |
| 3SG | = <i>зын</i> | «ты/Вы», «вы» | «он/она» | — | косвенное побуждение |
| | | | «они» | | |
| | | — | — | не-лицо | желание |
| 3PL | = <i>зын(нар)</i> | «ты/Вы», «вы» | «они» | — | косвенное побуждение |
| | | — | — | не-лица | желание |

| | | | | | |
|-----------|------------------|-------------------|---------------------------------|---|-----------|
| 1SG | = <i>айн</i> | «Ты/Вы», «Вы» | «Я» | — | намерение |
| 1DU AL | = <i>аал(ы)</i> | «Ты» | «Я и ты» | | призыв |
| | | «Ты/Вы», «Вы» | «Я и он» | | намерение |
| 1PL | = <i>аалыңар</i> | «Вы» | «Я и Вы» | | призыв |
| | | «Я, ты/Вы, вы» | «Я, ты/Вы, вы, он/они» | | намерение |
| | | «Я, ты/Вы, вы» | | | призыв |

Императив в грамматических описаниях сибирских тюркских языков (кроме алтайского языка) предстает как полная парадигма. В новой «Грамматике современного алтайского языка» [2017] императив-гортатив 1-го лица ед. числа выведен из парадигмы, данная форма рассматривается как показатель модальности желательности [ГСАЯ 2017: 341]. Особый интерес в императиве сибирских тюркских языков представляет императив 1-го лица, обозначающий двух участников действия. Этот тип императива определяется как призыв к действию. Характеристику субъектов императива 1-го лица неединственного числа в сравниваемых языках мы даем в Таблице 9:

Таблица 9. Субъекты действия в форме 1-го лица неединственного числа императива в тюркских языках Сибири⁴

| Языки | Исполнители | | |
|-------|--------------------------|----------------------------------|---------------------------|
| | Г + А «ты» («Я и ты») | Г + Р «он/она» («Я и он/она») | Г + АА «вы» («Я и вы») |
| Тув. | = <i>аал(ы)</i> | | = <i>аалыңар</i> |
| Тоф. | = <i>аал(ы)</i> | — | = <i>аалың</i> |
| Хак. | = <i>аң</i> | — | = <i>аалар</i> |
| Алт. | = <i>ак, =алы, =алык</i> | — | = <i>актар</i> |
| Як. | = <i>ыах</i> | — | = <i>ыабын</i> |

Обозначения, принятые в таблице: Г – говорящий, А – адресат, Р – референт.

⁴ Данные по сибирским тюркским языкам получены из следующих источников: тофскому [Рассадин 1978], алтайскому [ГСАЯ: 2017], якутскому [Коркина 1970], хакасскому [И 1].

Из таблицы видно, что в сибирских тюркских языках императив неединственного числа – приглашение или призыв к действию – представлен двумя рядами форм: 1) формы императива, обозначающие двух лиц-исполнителей действия (говорящего и адресата); 2) формы императива, обозначающие более двух лиц-исполнителей действия (говорящего и адресатов). В тувинском языке форма на *=aal(ы)*, обозначающая двух лиц-исполнителей во втором значении, когда субъектами выступают говорящий и референт, передает скорее значение утверждения о намерении совершения того или иного действия, высказываемого говорящим.

В алтайском языке выделяются три формы призыва к адресату на *=ак*, *=алы*, *=алык*. Они различаются между собой степенью категоричности: сильную степень категоричности выражает форма на *=ак*, среднюю – форма на *=алык*, низкую – форма на *=алы* [Грамматика современного алтайского языка (ГСАЯ) 2017: 336–338].

Отмечается, что во всех сибирских тюркских языках форма 3-го лица императива способна выражать как опосредованное требование, побуждение к действию, так и значение пожелания. Последнее обстоятельство позволило авторам ГСАЯ отнести данную форму также к парадигме желательного наклонения [ГСАЯ 2017: 341].

В императивных системах тюркских языков Сибири, кроме якутского, отсутствует грамматическая оппозиция по времени. В системе якутского императива выделяют две парадигмы: одна из них передает категоричное побуждение к действию, не терпящее отлагательств («императив настоящего времени», «повелительное категорическое», «повелительное наклонение близкого будущего времени»), другая – некатегорическое побуждение («императив будущего времени», «повелительное наклонение будущего времени», «повелительное наклонение отдаленного будущего времени»). В шорском и тувинском языках функцию «отложенного императива» выполняет форма будущего времени на *=ар* во 2-м лице.

Глава 8. Потенциальность и ирреальность: намерение. Модальная зона грамматического выражения намерения в тувинском языке является сравнительно немногочленной и объединяет в себе аналитические формы, кроме самой формы 1-го лица на *=айн*, которая, выходя за пределы императива, выражает тенденцию к образованию новой грамматической модальной зоны вокруг себя. Расширение зоны модальности происходит путем образования новых АФ и АК на базе самой формы на *=айн* — формы $T_v = айн деп$, $T_v = айн дээш$ и на базе причастия будущего времени — формы $T_v = ар дээш$, $T_v = ар деп$

$AUX_{(бытия)}=$, $T_v=ap=POSS$ ол(-дур). Семантическое соотношение членов модальной зоны намерения мы представляем в Таблице 10.

Таблица 10. Семантическое соотношение грамматических показателей намерения в тувинском языке

| Показатели | Главное модальное значение | Дополнительные грамматические значения | Персональность субъекта действия | Формальная выраженность субъекта |
|----------------------------------|----------------------------|--|----------------------------------|----------------------------------|
| $=айн$ | намерение | – | 1-ое лицо ед.ч. | да |
| $T_v=айн дээш$ | намерение | желание | 1-ое и 2-ое лицо ед.ч. | нет |
| $T_v=айн деп$ | намерение | – | 1-ое и 2-ое лицо ед.ч. | нет |
| $T_v=ap дээш$ | намерение | цель | все лица | нет |
| $T_v=ap деп$ $AUX_{(бытия)}=$ | намерение | перспектив, временные | 1-ое и 2-ое лицо ед.ч. | да |
| $T_v=ap=POSS$ ол(-дур). | намерение | утвердительное | все лица | да |

Из данной таблицы видно, что в плане выражаемой показателями семантики главным интегрирующим для всех анализируемых форм является значение намерения. Дифференцирующими являются дополнительные значения цели и утверждения намерения, оттенки значения желания, а также другие значения, отражающие межкатегориальные связи. АК $T_v=ap деп$ $AUX_{(бытия)}=$ при наращении к ней временных форм может относить значение намерения в разные временные плоскости, тогда как все остальные формы передают временную ориентацию в будущее.

Субъект намерения может быть формально выражен личным показателем или не выражен. В том случае, когда субъект намерения формально не представлен ($T_v=айн дээш$, $T_v=айн деп$ $T_v=ap дээш$), на него указывает контекст.

В системе грамматической модальности сибирских тюркских языков, кроме алтайского, модальная грамматическая зона намерения как отдельная модальная подсистема не выделяется. В алтайском языке А. А. Озоновой описывается большая группа АК со значением намерения: ряд идиоматических сочетаний инфинитива ($=арга$) с определенными лексико-семантическими группами глаголов. В этом ряду наиболее грамматикализованными являются АК с глаголами

бытия: $T_v=арга тур=$, $T_v=арга отур=$, $T_v=арга јат=$, $T_v=арга јүр=$, выражающие значение ‘собираться, намереваться, хотеть что-л. делать’, а также единственная в нем АК деепричастного типа — $T_v=n көр=$ со значением попытки совершения действия [Озонова 2006: 111–140]. Другие же АК намерения, выделенные в этой работе, характеризуются на данный момент развития языка как лексико-грамматические сочетания с разной степенью грамматикализации второго компонента – глаголов определенных лексико-семантических групп. И существование в алтайской глагольной системе этого ряда АК говорит о возможной тенденции языке к выделению средств передачи значения намерения и расширения этого модального поля. В тувинском языке эти процессы происходят медленнее: подобные глаголы, которые также вступают в сочетания с деепричастиями и причастиями, пока, на наш взгляд, не обнаруживают тенденции к грамматикализации. Хотя этот вопрос требует отдельного специального изучения.

В **Заключении** излагаются основные выводы исследования:

1. Грамматически выраженная модальность в тувинском языке проявляется как динамическая система, в которой находят свое выражение в самом «концентрированном» виде в грамматических показателях определенные когнитивные внеязыковые смыслы, признающиеся наиболее значимыми для самовыражения, с точки зрения его носителей, а оказавшиеся неактуальными отходят на периферию данной системы и постепенно выходят из нее.

2. Система грамматической модальности тувинского языка предстает четко организованной бинарной оппозицией модальных областей *реальности* — *потенциальности/ирреальности*. Главным определяющим признаком в этой системе выступает эпистемическая модальность достоверности, обуславливающая собственно противопоставление реальности и потенциальности.

3. Семантику реальности в тувинском языке передают грамматические средства, выражающие модальное значение достоверности, традиционно относящиеся к индикативу, а также не входящие в индикатив АФ разной степени синтетизации, не имеющие в системе тувинского глагола своего грамматического статуса.

4. Значение достоверности пронизывает всю область реальности и является точкой отсчета для всех других модальных значений. В соответствии с ней в области реальности выделяются три типа достоверной реальности: нейтральная, мотивированная, пересказанная.

5. С точки зрения говорящего, события и действия в мире представляются как реальные: во-первых, если они обладают признаком достоверности высокой степени, причем на высокую степень достоверности могут претендовать общеизвестные, а потому неоспоримые факты, а также действия или события, засвидетельствованные говорящим; во-вторых, действия или события средней и низкой степени достоверности, доступные говорящему через его ощущения и интуицию. Поэтому, в целом, грамматически выраженная модальность в тувинском языке выступает как эвиденциализированная система, в которой эвиденциальные значения играют важнейшую роль в структурировании плана реальности.

6. Широкое развитие грамматических показателей потенциальности позволяет выделить отдельную грамматически оформленную семантическую область потенциальности, что является особенностью тюркских языков Сибири. Область потенциальности представлена модальными зонами возможности, необходимости, желательности, императивности, намерения. Центральными в этих зонах выступают формы наклонений, периферию составляет множество АФ и АК разной степени грамматикализации.

7. В модальных зонах возможности и необходимости обнаруживается семантическая диспропорция в выражении положительной и отрицательной полярности проявления модальных значений.

8. Модальное значение ирреальности представлено в грамматической системе количественно в меньшей степени и, как правило, ее кореферентность средствам выражения потенциальности приводит к признанию области ирреальности как внутренней зоны потенциальности.

9. По происхождению тувинские грамматические формы модальности отражают сложную историю своего формирования. Здесь мы обнаруживаем общетюркские формы – $=ды$, $=ар$, $=гай$; древние огузские реликты – $=бышаан$ ($=бышаан < =мыш + шаг=ын$), $=тык$ ($<=дук$); древнеуйгурские формы – $=чык$, $=гы дег$, а также формы кыпчакского типа – $=ган$, $=n-тыр$, $=а-дыр$, $Tv=n V(бытия)=\emptyset$, $Tv=n V(бытия)=ар$; формы, не находящие параллелей за пределами сибирского ареала и связанного с ним кыргызского языка, – $=галак$.

10. Анализ данных сибирских тюркских и древних тюркских языков показывает темпы и динамику развития их грамматических форм. Обнаруживается, что на их фоне тувинский язык, сохраняя в системе модальности древние формы (преимущественно общетюркские и кып-

чакские) в позиции центральных, развивает на их базе новые формы со специализированными модальными значениями, благодаря чему получают расширение модальные зоны.

11. Формы, восходящие к древнеуйгурским и древнетюркским, функционируют на периферии модальной системы, и новые формы на их базе не возникают. Формы, восходящие к кыпчакским и общетюркским, находясь в системе грамматической модальности в позиции центральных, развивают на своей основе новые формы со специализированными модальными значениями.

12. Происходящие процессы в системе грамматической модальности тувинского языка отражают общую тенденцию развития глагольных систем в других тюркских языках, а именно: их развитие происходит за счет пополнения аналитическими конструкциями с последующим переходом последних в аналитические формы, а затем уже – в синтаксические показатели. Данные тюркских языков Сибири показали, что эти процессы происходят по языкам неравномерно: в алтайском, хакасском и шорском языках – достаточно динамично, тогда как в тувинском, тофском и якутском – заметно медленнее.

По теме диссертации опубликованы:

монография:

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. – М.: ИД «Языки славянских культур», 2014. – 174 с.

статьи в журналах из перечня, утвержденного ВАК:

1. *Ооржак Б.Ч.* Модальное значение желания, выражаемое формой на=*кса* в тувинском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2012. №6. С. 109–112.
2. *Ооржак Б.Ч.* Особенности семантики глагольной формы на=*а-дыр* в тувинском языке // *Мир науки, культуры и образования.* 2012. №5 (36). С. 255–257.
3. *Ооржак Б.Ч.* О морфологической разметке текстов корпуса тувинских текстов (соавт. Хертек А.Б.) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2012. №7, ч. 2. С. 214–218.
4. *Ооржак Б.Ч.* К истории формирования временной системы в тувинском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2014. №1(31), ч. 2. С. 144–146.
5. *Ооржак Б.Ч.* Прошедшее в системе временных представлений тувинцев // *Мир науки, культуры, образования.* 2015. №1 (50). С. 292–294.

6. *Ооржак Б.Ч.* Реальность будущего в языковом представлении тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2016. №1 (56). С. 279–281.
7. *Ооржак Б.Ч.* Выражение категорий пространства и времени в тувинском языке (соавт. Хертек А.Б.) // Мир науки, культуры, образования. 2016. №1 (56). С.276–279.
8. *Ооржак Б.Ч.* Императив в обрядовой поэзии тувинцев // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. №4 (50). С. 45–51.
9. *Ооржак Б.Ч.* О выделении наклонения необходимости в тувинском языке // Казанская наука. 2017. №12. С. 115–118.
10. *Ооржак Б.Ч.* Условно-сослагательное наклонение в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №9 (87). Ч 2. С. 369–377.

из них в изданиях, входящих
в Международные базы данных Scopus и WoS:

11. *Ооржак Б.Ч.* Системообразующие значения поля прошедшего времени в тувинском языке // Урало-Алтайские исследования. 2014. №4 (15) С. 83–97.
12. *Ооржак Б.Ч.* Грамматическое выражение модального значения желания в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2016. №4. С.248–254.
13. *Ооржак Б.Ч.* Реальность настоящего и его отражение в тувинском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №2 (47). С. 150–157.
14. *Ооржак Б.Ч.* Особенности сочетания временных форм с темпоральными конкретизаторами в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. №4. 2017. С. 226–237.
15. *Ооржак Б.Ч.* Семантическая структура императива 2-го лица ед. числа в тувинском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. №1. С. 49–59.

Авторские свидетельства,
приравненные к публикациям в журналах ВАК:

1. *Ооржак Б.Ч.* Глагольные основы тувинского литературного языка: база данных (соавт. Хертек А.Б., Нара-Мандып А.А., Далаа С.М.) Свидетельство № 2015620042 от 12.01.2015. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.
2. *Ооржак Б.Ч.* Глагольные основы тувинского литературного языка: программа для ЭВМ (соавт. Хертек А.Б., Нара-Мандып А.А., Далаа С.М.). Свидетельство № 2015618799 от 18.08.2015. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

3. *Ооржак Б.Ч.* Формы изъявительного наклонения глагола в тувинском языке: база данных (соавт. Хертек А.Б., Далаа С.М.). Свидетельство №2017620139 от 3.02.2017 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.
4. *Ооржак Б.Ч.* Средства выражения пространственных отношений в тувинском языке: база данных (соавт. Хертек А. Б., Далаа С. М., Ондар В.С.). Свидетельство №2018620755 от 25.05.2018 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

Учебники, учебно-методические пособия, программы

1. *Ооржак, Б.Ч.* Тыва дыл. 5 класс (учебник по тувинскому языку для 5 класса) (соавт. Бавуу-Сюрюн, М. В., Доржу, К.Б., Сувандии, Н.Д., Хертек, А.Б., Сарыглар, Ч.А.). Кызыл: РИО ИРНШ, 2014.
2. *Ооржак, Б.Ч.* Тыва дыл. 6 класс (учебник по тувинскому языку для 6 класса) (соавт. Бавуу-Сюрюн, М. В., Доржу, К.Б., Хертек, А.Б.). Кызыл: РИО ИРНШ, 2015.

Статьи в других изданиях:

1. *Ооржак Б.Ч.* Форма глагола на =gai в тувинском языке // Б. Ч. Ооржак // Языки коренных народов Сибири. Вып. 6. Новосибирск, 1999. С. 150–158.
2. *Ооржак Б.Ч.* Временные и модальные значения формы на =gy deg в тувинском языке // Гуманитарные науки. №4. Новосибирск, 2002. С. 42–44.
3. *Ооржак Б.Ч.* Вопрос о статусе глагольных форм, образованных при участии частицы –тыр // Языки коренных народов Сибири. Вып.14. Новосибирск, 2004. С. 88–94.
4. *Oorzhak B. Ch.* Die perzeptive Verbform –AdIr im Tuwinischen. Areal, historical and typological aspects of South Siberian Turkic. Ed. by Marsel Erdal, Irina Nevskaya and Astrid Menz. Wiesbaden. Harrasowitz Verlag, 2012. S. 91–96.
5. *Ооржак Б.Ч.* Проблемы выделения парадигмы временной системы в тувинском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва. №11(58), ноябрь 2013. Часть 2. С. 71–74.
6. *Ооржак Б.Ч.* Семантика императива 1-го лица в тувинском языке // Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия: Сборник научных статей. – Якутск: Изд-во ИГИ-ИПМНС СО РАН, 2018. С. 102–106.

Работы, опубликованные в материалах всесоюзных,
всероссийских и международных конференций:

1. *Ооржак Б.Ч.* Сопоставление систем времени в тувинском и алтайском языках // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы научной конференции. Горно-Алтайск, 2003. С. 20–26.
2. *Ооржак Б.Ч.* Значения форм прошедшего времени на =ган, =бышаан, =п-тыр и =ган-дыр в тувинском языке // Создание нового поколения учебников по языкам коренных народов Сибири: Материалы Международного симпозиума. Новосибирск, 2004. С. 131–135.
3. *Ооржак Б.Ч.* Die Bedeutungen der Verbalform auf =galak im Tuwinischen // 6. Deutsche Turkologenkonferenz. Universitaet Frankfurt am Main. 23. Juli 2005 – 26. Juli 2005. S. 27.
4. *Ооржак Б.Ч.* Выражение модального значения желания в тувинском языке // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор: Материалы Международной научной конференции – Кызыл, 20–23 мая 2012. С. 65–72.
5. *Ооржак Б.Ч.* Время или аспект? Семантика глагольной формы на =галак в тувинском языке // Современные тенденции в образовании и науке: Материалы научно-практической конференции. Часть 8. Тамбов 2013. С. 93–96.
6. *Ооржак Б.Ч.* Выражение значения вневременности глагольной формой на –ар в тувинском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: Материалы Международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности проф. В. И. Рассадина. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 126–129.
7. *Ооржак Б.Ч.* Разработка семантической разметки электронного корпуса тувинского языка (соавт. Хертек А.Б.) // TurkLang 2015: материалы 3-ей Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков (<http://turklang.antat.ru>). Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2015. С. 351–362.
8. *Ооржак Б.Ч.* Создание базы данных лексического фонда тувинского языка (соавт. Хертек А.Б., Кужугет М.А., Салчак А.Я., Чамзырын Е.Т.) // TEL-2016: Труды Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань: Изд-во Казанского госуниверситета. Вып.17. 2016. С. 278–281.

Научное издание

Ооржак Байлак Чаш-ооловна

**СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

(в сопоставлении с тюркскими языками Сибири)

10. 02. 20. – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать

Уч.-изд. л. 1

Офсетная печать. Формат 60x84 1/16

Заказ №

Тираж 150 экз.